

ТРАВМА

Тексты июньской писательской
мастерской Кати Майоровой

2022

Катя Майорова, Александра Фокеева,
Алёна Веснина, Катерина Антипина,
Виктория Беляева, Мария Королева,
Ольга Мухина, Рина Макошь, Милена Казарян

12+

**Мария Королева
Милена Казарян
Катя Майорова
Александра Фокеева
Рина Макошь
Ольга Мухина
Алена Веснина
Катерина Антипина
Виктория Беляева
Травма**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67960974
SelfPub; 2022*

Аннотация

Тексты, которые вам предстоит прочитать, были созданы в рамках писательской мастерской Кати Майоровой. В течение июня каждую субботу Катя встречалась с авторами в старом здании на Тверской улице. Они пили кофе и чай, обсуждали идеи, задумки, с которыми каждый пришел, – и доводили их до совершенства. К концу месяца все участники написали рассказ, эссе, зарисовку. Тема июньского сборника – травма.

Содержание

Катя Майорова. От составителя	4
Милена Казарян. Рашн Вуман	8
Рина Макошь. Травматолог	23
Мария Королева. Точка бифуркации	43
Виктория Беляева. Мне снится море	62
Катерина Антипина. Предродовая депрессия	83
Александра Фокеева. Как я услышала свой голос	92
Ольга Мухина. Мои шрамы	107
1	108
2	118
3	120
Алена Веснина. Отвергнутый	123

**Катя Майорова,
Александра Фокеева,
Алена Веснина, Катерина
Антипина, Виктория
Беляева, Мария Королева,
Ольга Мухина, Рина
Макошь, Милена Казарян
Травма**

Катя Майорова. От составителя

Тексты, которые вам предстоит прочитать, были созданы в рамках писательской мастерской Кати Майоровой. В течение июня каждую субботу мы с авторами встречались в старом здании на Тверской улице, пили кофе и чай, обсуждали идеи, задумки, с которыми каждый пришел, – и доводили их до совершенства. К концу месяца все участники написали рассказ, эссе, зарисовку.

Темой июньского сборника была травма, и ее я выбрала не просто так. Весь мир сейчас переживает непростые времена: с кем-то случилось горе, кто-то потерял надежду, у кого-то полностью пропала уверенность в завтрашнем дне, а вместе с ней растворились планы и мечты. Всем сейчас трудно, и я подумала, что тексты на тему травмы будут терапевтичны как для авторов, так и для их читателей.

Наш сборник, хоть и объединен одной темой, получился очень разнообразным, но в то же время он имеет одну общую тональность. Я сейчас говорю про искренность. Каждый текст, неважно – художественный, нехудожественный, был написан от чистого сердца. В целом сборник по-доброму наивен, как бывают наивны дети, когда верят в дурацкие шутки взрослых.

Чтение открывает работа Милены Казарян, которая называется «Рашн Вуман». В тексте Милена показала травму сразу с двух сторон: буллинг из-за внешности и буллинг из-за национальности. Думаю, ее история будет знакома многим, кто «на земле родной уже чужой, на земле чужой – еще не родной»¹.

«Травматолог» Рины Макошь – художественный рассказ о враче, работающем в травматологии. Рина сама в прошлом доктор и знает не понаслышке, как профессия может наносить травмы и как она же помогает их исцелять – не только пациентам, но и самим врачам.

¹ Строчки из песни Манижи «Недославянка».

Текст Марии Королевой – преподавательницы МГТУ им. Баумана – покажется знакомым многим, кто строит карьеру в сфере науки, пишет или писал кандидатскую вместе с научным руководителем. Нередко наши преподаватели дают нам больше, чем только знания: они помогают раскрыть то, что мы глубоко спрятали внутрь себя, и увидеть мир по-новому, проработать свою старую травму.

История Виктории Беляевой «Мне снится море» унесет вас в несуществующий городок на берегу большой воды. Именно там героиня получила травму, с которой так и не смогла справиться. Вернувшись, она впервые задумывается, а была ли это травма? И если была, то настолько ли масштабна, насколько она ее воспринимала все эти годы?

Катерина Антипина поделилась личным опытом предродовой депрессии, о которой мало говорят в обществе. Как принято у нас? Если ты беременна, то непременно счастлива, а если вдруг нет, то с тобой что-то не так. Читатель вместе с автором переживает опыт принятия нового статуса и появления на свет новой жизни, которая одновременно стала как причиной травмы автора, так и путем к исцелению.

Рассказ Александры Фокиевой «Как я услышала свой голос», с одной стороны, вымышленный, с другой – описывает личный опыт автора, когда сначала травма нарушает твою целостность, а после ты обретаешь новую – более крепкую и прочную.

Когда на мастерской мы работали над текстом Ольги Му-

хиной «Мои шрамы», то и дело вспоминали Джеймса Джойса и его «Улисса». В свое время, когда я все никак не могла его осилить, мой знакомый издатель сказал: «Попробуй прочесть роман не разумом, а чувствами». Тогда книга открылась для меня с новой стороны. Точно так же нужно читать текст Ольги, в котором она рассказала о своих травмах не при помощи логически выстроенного повествования, а благодаря эмоциям, которые переживала в момент их приобретения. К сожалению, так часто бывает: травма уже давно в прошлом, а наши эмоции, чувства живы, словно все случилось только что.

Завершает сборник текст Алены Весниной «Отвергнутый». История погружает деталями в аутентичные 90-е, когда начинают развиваться события. Что особенно важно для нашего сборника и его финала – текст показывает, что травмы можно оставить в прошлом и со звонким гулом захлопнуть за собой железную дверь.

Я, составитель сборника, и авторы будем рады вашим отзывам: на «Литресе», в социальных сетях или в любом другом месте, главное, не забудьте оставить ссылку на наш великолепный сборник. Спасибо и погружающего, вдохновляющего чтения вам!

Милена Казарян. Рашн Вуман

На земле родной

Я уже чужой

А на земле чужой

Еще не родной.

Manizha. Недославянка

Ночь, мы едем в такси из Кировакана в Ереванский аэропорт, мама на переднем сиденье, я – на заднем. В наушниках третий час на повторе играет Lovesong Adele, а слезы из глаз не перестают литься. Я плачу навзрыд, но тихо, так, чтобы никто не догадался, – за четырнадцать лет жизни я научилась делать это искусно. Я плачу, потому что не хочу возвращаться в Россию из места, где я просто-напросто своя, где я считаюсь красавицей, где меня любят, где мне не нужно бороться и страдать за внимание мальчиков. Я плачу, потому что искренне не понимаю, почему отношение людей ко мне зависит от того, где я нахожусь, от точки на карте. Я плачу и не хочу возвращаться в реальность, в которой живу. Не хочу возвращаться в место, причиняющее боль каждый божий день.

Когда ты рождаешься с армянской фамилией в небольшом русском городе, вся твоя жизнь с первых секунд превращается в борьбу. Сейчас мне двадцать один год. Моя борьба за право быть собой длится всю мою жизнь, вот уже семь

тысяч девятьсот семьдесят четыре дня.

Мне два года. Я рано пошла в детский сад – в год и десять месяцев, когда родился младший брат. Родители договорились, чтобы я ходила в группу со старшими детьми. Даже тот факт, что я была младше всей группы минимум на год, не помешал случиться тому, что случилось. Однажды я сильно упала на дневной прогулке. Когда папа пришел забрать меня, ему никто ничего не сказал, как будто ничего и не случилось. Он увидел большую шишку на голове и синяки. Начал выяснять, в чем дело, и оказалось, что я упала и ударилась головой, настолько сильно, что под глазами появились синяки. Папа отправился к директору детского сада вместе с воспитательницей, и на его вопросы, почему меня не отвели к врачу и никто не позвонил ему, воспитательница ответила, что не собирается заботиться о нерусском ребенке (если говорить мягко). Воспитательницу уволили, а эта ситуация была первым и последним разом, когда папа постоял за меня. Дальше я росла и училась защищать себя сама.

Мне шесть. Я смотрю из окна на турник во дворе, вокруг которого собралось детей десять, не меньше. Мы недавно переехали. Я смотрю на непохожих на меня детей и переживаю, что меня не примут. Мне нужно понравиться им, завести знакомства. Все проходит гладко, у меня появляются подруги, но каждый раз, гуляя во дворе, я боюсь, что во двор придет компания и мальчик из этой компании, который на десять лет старше *меня*, назовет *меня* чуркой и уродиной.

Так я и начала жить с постоянным чувством тревоги и страха. Пусть даже у меня есть друзья, мы играем и все, казалось бы, хорошо, все равно кто-то вот-вот придет и начнет меня обижать.

Мне восемь. Я учусь в начальной школе и зимой мальчик-азербайджанец постарше поджидает меня после уроков и забрасывает снежками, когда я выхожу из здания школы. Он не один, со своим одноклассником – получалось двое против одного. Они кидают снежки приличных размеров в такие небезобидные места, как голова. Я стараюсь не выходить из школы одна, специально договариваюсь возвращаться домой с подругой, но как только начинается обстрел, подруга убегает и оставляет меня одну. Со снежками в спину я выслушиваю, что не имею права жить, раз армянка. Мальчик кричит: «Мне так сказал папа – ненавидеть всех армян» Мне хватает смелости остановиться и объяснить, что конкретно я не сделала ему ничего плохого. И что круче дружить, чем враждовать.

Мне девять. Мальчики из танцевального ансамбля кричат что-то вслед, пока я иду одна от школы до остановки маршрутки, и не хотят танцевать в паре со мной. Каждый прогон танца для них – мучение, это написано у них на лицах.

Всего за девять лет жизни я стала ненавидеть вопрос: «А кто ты по национальности?» Каждый раз в ответ я набираю полную грудь воздуха и произношу «армянка» максимально быстро, чтобы мучительный момент поскорее закончился.

После одного такого ответа девочка с танцев говорит: «А-а-а-а, а я думала, ты цыганка, вы так все похожи».

Сейчас я не могу винить ребенка в том, что он не способен отличить две национальности, возможно, для русских мы, «понаехавшие», и правда все на одно лицо, но тогда мне было жутко стыдно и обидно: мало того, что я постоянно огребаю, раз нерусская, так мою национальность еще и путают.

Мне десять. Мы часто ездим с танцевальным ансамблем в разные города России на конкурсы. В памяти каждого из нас ярко закрепился вокзальный запах. Пока мы сидим всей группой в зале ожидания, мимо проходят люди: разной национальности, возраста, телосложения. Когда проходят нерусские, дети смотрят на меня. Я не знаю, что они хотят сказать взглядом, но некоторые мальчики подходят и говорят прямо: «Эй, чурка, иди к своим».

Мне одиннадцать. Нашу школьную параллель приводят в Дом культуры на концерт, где в том числе выступает цыганская семья. Мне хочется провалиться под землю, выбежать из зала: то ли оттого, что у меня снова будут спрашивать, кто я по национальности – «не цыганка ли случаем?», то ли оттого, что опять отправят к своим. Или оттого, что люди на сцене поют, танцуют и не боятся быть собой, а я такого не могу себе позволить. О каких национальных танцах и песнях может идти речь, когда мне страшно даже произносить одно слово «армянка»?

Мне двенадцать. Мой нос растет вместе со мной, а я – ху-

дошавый ребенок, про которого родные говорят: «Кожа, кости да нос». Я второй год учусь в новой школе, и меня прекрасно принимают одноклассники. Тот мальчик, что обижал меня раньше на танцах, сидит со мной за одной партой, и мы даже общаемся на уроках и в «ВК». Казалось бы, все отлично, но трое старшеклассников смеются надо мной на переменах, когда рядом никого нет. Ко всем моим страхам прибавляется еще несколько: страшно идти по коридору в туалет одной, страшно оставаться одной у окна на перемене, страшно задержаться после уроков и в одиночестве переодеть сменку в вестибюле школы, ведь троица может внезапно пройти мимо. Я состою на девяносто девять процентов из страха и на один процент из злости: почему их трое, да еще и мальчиков, а я – одна, девочка, слабее них. Понимаю: если расскажу родителям, никто не поверит – у меня нет свидетелей. А обидчики умеют ловить момент, когда жертва травли одна.

Мне тринадцать. Все подростки стараются выглядеть классно, влюбляются в кого-то, обсуждают поцелуи и мечтают об отношениях. Я комплексую из-за всего в своей внешности: цвета кожи, формы ног, веса, носа (конечно же), роста, маленькой груди. Подруга мамы из Бельгии отправляет ей отбеливающий крем для лица от пигментных пятен. Крем попадает мне в руки, и я решаю отбелить им все свое лицо, чтобы вписаться в стандарты и наконец-то начать нравиться мальчикам. Нанесение отбеливающего крема стало моей

ежедневной рутинной, и каждое утро, просыпаясь и смотря на себя в зеркало, я надеялась увидеть, что кожа посветлела.

У членов моей семьи светлая кожа и небольшой нос. Из всех троих детей смуглым ребенком с широким носом родилась только я, в роддоме меня называли волчонком из-за цвета кожи и темных волос. Если про цвет кожи мне хотя бы объясняли: «Ты смугленькая в бабушку», то откуда взялся такой нос – не понимал никто.

Не только внешний мир каждый день указывает, что я не похожа на других. Я чувствую себя бракованной и в кругу собственной семьи. Летом я становлюсь еще темнее на несколько тонов, потому что загар ко мне липнет, поэтому в подростковые годы я остерегаюсь солнца.

В тринадцать лет начинаю часто болеть: у меня просто так может подняться температура, постоянно болит голова. Жизнь состоит из недопониманий с одноклассниками, абсолютного неприятия себя и отсутствия поклонников (в тринадцать это кажется катастрофой). Перед сном каждую ночь я спрашиваю у Вселенной: «Ну почему я не родилась русской? За что мне такое наказание? Почему я не такая, как все?» Засыпаю в слезах и молюсь, чтобы проснуться со светлой кожей, ведь тогда-то в меня точно кто-нибудь влюбится.

Спустя несколько посещений невролога из-за постоянной головной боли меня направляют к психиатру. Это был 2013 год, думаю, вы представляете, какая стигма преследовала этих специалистов. На приеме я расплакалась и рассказала

обо всем, что болит: что я ненавижу себя; что не могу выбрать из всех увлечений одно, а в школе дают так, будто в тринадцать нужно выбрать профессию на всю оставшуюся жизнь; что переживаю, что никто из одноклассников в меня не влюбится, в то время как у других одноклассниц есть, если не поклонники, то хотя бы друзья-мальчики. Мне же страшно разговаривать с людьми мужского пола, и я дружу только с девочками, потому что они меня никогда не обижали. Жалуюсь психиатру на головные боли, постоянную усталость и отсутствие желания что-либо делать, а он мне, странно улыбаясь: «Ну что, диагноз *депрессия* пишем?» Врач обесценил все мои переживания одной лишь фразой, добавив, что возраст просто такой, и выписав антидепрессанты.

Мне четырнадцать. Родители детей в танцевальном ансамбле не стесняются вслух произносить рядом со мной: «Почему эта черненькая стоит в первой линии?»

Каждый урок географии для меня – пытка. Учительница постоянно обвиняет в том, что списываю я, а не одноклассники у меня. Однажды она доводит меня до слез, пока я стою у доски и читаю, как все, доклад с электронного планшета, а не бумаги. Ко мне были особые требования, и я даже не буду цитировать ее, иначе вы умрете от насыщенности национализма в ее словах, когда я спросила напрямую, за что она меня ненавидит.

Мне пятнадцать. В девятом классе случились мои первые отношения. Они продлились две недели: меня провожали до

дома после школы, мы держались за руки и редко целовались в щечку, а затем меня бросили. Все переживу, все прощу и забуду, но эти слова бывшего парня, кажется, никогда не выйдут из головы: «Когда я сказал родителям, что мы вместе, они не поняли мой выбор. Спросили: *Милена? Она же нерусская. Почему не Анечка или Алена?*»

Я, честно, не знаю, соврал ли тогда парень, чтобы от меня отвязаться, или это была правда. Даже не знаю, что хуже: национализм от взрослых людей или от человека, который в тебя влюблен, но не может быть с тобой из-за национальности и прикрывается родителями.

В третьей по счету школе учительница по русскому языку однажды сказала: «Я в курсе, что ты знаешь русский язык лучше всех в классе, но я не могу поставить тебе пять. Ну, не повезло тебе родиться не Ивановой». Эта учительница занижала мне оценки за любые самостоятельные, задавала больше вопросов, чем остальным, и постоянно ругалась на мои сочинения, потому что они были неформатными, не по шаблону. Я пишу, сколько себя помню, и в девятом классе был пик моего творчества: каждый день я писала прозу или стихи.

Бывали дни, когда в день я могла написать два длинных текста, выложить один в блог и мучительно ждать следующего дня, чтобы поскорее выложить второй текст. В этот год я искала свой голос и стиль, у меня появлялось собственное мнение на разные ситуации, и жизненные драмы добавляли

мне мудрости и материала для письма. Мне хотелось им делиться, делиться чувствами и впечатлениями по поводу темы, заданной в сочинении. Иногда мои мысли шли вразрез с правилами, с тем, как «надо» думать.

Учительница перечеркивала мои сочинения и стихи, все для нее было не-пра-виль-но. Моя подруга стала ее любимицей, и за сочинения, в отличие от меня, всегда имела пятерки. В ее сочинениях, которые отправлялись на конкурсы, не было ни грамма души, лишь шаблоны, шаблоны, шаблоны.

Мне шестнадцать. Я бью кулаками зеркала в доме, одно настольное разбиваю. Я сама отношусь к себе как националист и смотрю на себя из позиции обидчиков, а не своей собственной. Я ненавижу себя, я ненавижу отражение в зеркале. Смотрю в него и говорю: «Как же ты уродлива, чурка. В тебе уродливо все, и ты никому никогда не понравишься» Депрессия процветает. Это приводит к ежедневным ссорам и скандалам с родителями, к побегам из дома.

Одна моя подруга рассказывает, что нашла хорошего психолога. Я понимаю, что помощь специалиста сейчас нужна как никогда, и без малейшего страха решаюсь записаться на сессию. Психолог помогла с другой стороны посмотреть на те качества, которые меня всегда отличали от окружающих: высокий рост и любовь к пиджакам и другой официальной одежде она назвала статностью, мою худобу – стройностью, перевела внимание с носа на мои красивые, большие, темные глаза. Я без сомнения много лет говорю, что эта женщина,

которую я встретила в шестнадцать, спасла мне жизнь. Помимо принятия себя мы много обсуждали родительско-детские отношения, мои невзаимные влюбленности и другое. Я научилась смотреть на себя в зеркало хотя бы с принятием. Агрессия и ссоры с родителями сократились.

Мне семнадцать. Я принимаю себя хотя бы пять дней из семи на неделе, но от родителей на мой вопрос «я красивая?» постоянно слышу: «Ну вот нос чуть поправим операцией, и будешь вообще супер».

К одиннадцатому классу у меня побелела кожа. Я уже несколько лет не отбеливала кожу кремами, не делала ничего, а кожа стала такого же цвета, как у одноклассниц. Я все равно всем казалась «смугленькой» из-за темного цвета волос, но, когда прикладывала свою руку к руке одноклассницы, мы замечали, что разница совсем небольшая. Я до сих пор не понимаю, произошло ли какое-то изменение с гормонами или содержанием меланина в организме, или мои молитвы, которые я посылала в космос с тринадцати лет, были услышаны. Это до сих пор загадка для меня и моей семьи.

После ЕГЭ и поступления в вуз, к восемнадцати годам я делаю ринопластику. Когда ты – одиннадцатиклассник и твоя единственная забота – поступить в Москву на бюджет, чтобы как можно скорее вырваться из родного города, о назначенной операции ты заботишься в последнюю очередь. Особенно, когда ты не чувствуешь запахов, почти не дышишь и у тебя серьезные проблемы со здоровьем, потому

что добраться до мозга для кислорода целый челлендж. Я до сих пор не считаю, что решение сделать ринопластику было принято из нелюбви к себе или потому что я хотела кому-то понравиться. Меня правда мучило мое дыхание (скорее, его отсутствие) и все, чего я хотела, – снова почувствовать аромат свежих булочек. К моменту операции у меня побелела кожа, за моими плечами был опыт психотерапии и парочка взаимных влюбленностей. Я медленно и мучительно перестала бояться парней, научилась их даже очаровывать. В какой-то момент свыклась: «Ну ничего, красотой не возьму, зато душа моя настолько огромна, что в ней можно утонуть».

В восемнадцать я переезжаю в Москву и в первую же неделю учебы пребываю в шоке от количества комплиментов. В Москве комплименты делают как просто моей внешности, так и моим длинным ногам, густым красивым волосам, кистям, ресницам, фигуре, стилю и одежде, аккаунту в соцсетях. Я переезжаю в столицу и впервые за всю жизнь узнаю, что я вообще-то красивая. «Вау, красива я, а не моя сестра или подруга», – я не могу поверить, что все комплименты направлены в мой адрес. Все время боюсь, что меня раскроют по старым фотографиям в блоге, которые я не удалила, поэтому сама рассказываю о ринопластике. Кажется, Москва прекрасна своим многообразием национальностей и это меня спасло. Когда я приезжаю в родной город сейчас, я замечаю, что люди в нем не делают друг другу комплименты или не умеют восхищаться кем-то искренне, словно способность

делать комплименты заложена генетически и зависит от твоего места жительства.

Я росла активным ярким ребенком, во мне было столько любознательности и энергии, что я не могла быть незаметной, отсиживаться в углу и не быть лидером в компаниях. Да и, признаться честно, стараться выделяться не приходилось, мои темные густые волосы, брови и ресницы, цвет кожи все делали за меня. Это я к тому, что никто точно не описал бы меня, как человека, страдающего от буллинга, непринимającego себя и болеющего депрессией. Но на какие кружки я бы ни ходила и в каких разных школах ни училась, всегда были люди, которые меня обижали. Я могла спокойно выстраивать круг общения и проживать детство, но в какой-то из дней появлялись *они*. *Они* приходили, обзывали меня, и мой мир рушился. Затем *они* уходили, а я собирала себя по кусочкам заново неделями, месяцами, пока *они* не появлялись снова. Меня обижали в детском саду, обижали в танцевальном ансамбле, обижали в школе. Куда бы я не пошла – *они* были там. Везде разного пола и разных возрастов: дети в школе или учителя, родители детей.

Наверняка у вас возникает вопрос: «Где были мама и папа? Почему не защищали?» Все просто: я ни разу в жизни не приходила к ним и не признавалась в том, что меня обижают. Ни ребенком, ни подростком, ни взрослым человеком. Они узнали о травле в мою сторону из-за национальности недавно, когда в двадцать лет я опубликовала пост с несколькими

ситуациями из жизни и тем, как мне помогла песня Манижи «Рашн Вуман», звучавшая на Евровидении.

Папа позвонил тогда и сказал, что текст восхитительно написан, и признался, что никогда не догадывался о том, что кто-то меня задевает. А я до двадцати лет была уверена: если тебя обижают, то проблема в тебе. Такой вот парадокс: кто-то тебя обижает, а чувствуешь себя виноватым, плохим, уродливым ты, а не он.

Только в двадцать я поняла, что проблема и вина в обидчиках, что их обзывательства и действия по отношению ко мне говорят плохо о них, а не обо мне. Мне не хотелось скандала, не хотелось, чтобы родители заступались за меня, казалось, что я сама во всем виновата и должна сама справляться со всеми проблемами. Мне казалось, если я буду притворяться, что со мной все в порядке, я буду сильной. Мне казалось, чем больше у меня друзей и знакомых, даже случайных, тем больше меня принимают. Мне казалось, когда у меня появится любящий партнер, я точно избавлюсь от всех комплексов и полюблю себя.

Сейчас я понимаю, что силы во мне побольше, чем во всех людях, травящих меня, вместе взятых. Я не могу подобрать других слов, кроме силы и стойкости, которые лучше бы описали меня в течение восемнадцати лет в родном городе. Сейчас-то я понимаю, что в первую очередь полюбить и принять себя должна была я.

Каждый день жизни я боролась. Я боролась с депресси-

ей за право быть счастливой. Я боролась с окружающими за право быть собой и жить в России. Я боролась со стереотипами за признание того, что армянка и человек любой национальности может быть кем угодно: отличницей или нет, актрисой или инженером, замужем или свободной, тихоней или душой компании. Пройдя через многолетнюю травлю, я осталась собой: энергичным, амбициозным и добрым человеком. Борьба сделала меня тем, кто я есть: человеком с горящими глазами и сердцем с миллионом маленьких шрамов. Шрамы привели меня к любимому и важному делу: я создала сервис психологической поддержки и помогаю другим людям, столкнувшимся с ментальными расстройствами.

Я не хочу, чтобы вы подумали, что моя жизнь была наполнена только плохим. Это не так: например, в старшей школе мне повезло с учительницей по русскому языку и литературе, и мои сочинения всегда получали 5/5, даже с небольшими ошибками. Помимо пятерок, учительница оставляла дополнительную похвалу на полях: «Молодец! Очень красиво!»

Родители моих друзей принимали меня и спасибо им за то, что объясняли своим детям, что в мире существует не одна национальность.

Спасибо Маниже за песню «Рашн Вуман». Мне понадобилось двадцать два года, чтобы осознать, что я имею право быть собой. Право считать себя русской женщиной. Да, я – чистокровный армянский ребенок, но также я, родившись в

России и прожив в ней всю жизнь, танцевала русские народные танцы на сцене, знала русский язык лучше, чем большинство одноклассников, всю жизнь изучала историю, литературу, искусство русской культуры. Так уж получилось.

Только сейчас мне стало жаль, что я не знаю про свою историческую родину и свои корни так же много, как про Россию. Мне стало больно оттого, что я начинаю любить себя и все, что мне передалось от бабушки, только теперь, когда ее уже нет в живых. Я жалею, что не могу изменить прошлого и вернуть себе время с родными. Я жалею, что ни в России, ни в Армении я никогда не буду своей: в первой стране я нерусская, во второй – обрусевшая. Все, что я могу сделать, – отправиться в путешествие в Армению и заново открыть для себя свой народ.

Как бы далеко меня не занесло, в какой стране я бы не оказалась, на вопрос *where are you from*, не забывая о корнях, я отвечала и буду отвечать: *I'm from Russia*.

Рина Макошь. Травматолог

В узком, освещенном желтыми казенными лампами коридоре стоял приглушенный гул. Несколько детей постанывали, их родители шикали и как могли пытались увлечь. Еще несколько человек – не только дети, но и кое-кто из взрослых – с энтузиазмом нажимали на экран смартфона. По коридору прошел мужчина – высокий, ссутулившийся врач, которого с нетерпением ждали пациенты после обеденного перерыва. Окружая врача невидимой аурой, за ним всюду следовал запах, который обязательно сопровождает курящих людей.

У кабинета с табличкой «травматолог Шиляев Олег Степанович» стояла женщина. Она перегораживала своим огромным телом подступы к двери и предупреждала любые поползновения к нарушению порядка в очереди. Волосы, которые еще час назад были собраны в гульку, разметались длинным хвостом по спине, а мелкие волоски выбились из прически. Около женщины на скамеечке сидела девочка, как две капли воды похожая на мать: и хвост, и идеально круглые щеки, и пухлые губы, слегка приоткрытые и обнажающие передние зубы. Только вот у матери глаза лихорадочно блестели, бегали от дочери к другим детям и их родителям и обратно, она переминалась в черных туфлях, откуда отекающие ноги торчали, словно дыни, готовые лопнуть на жаре. Дочка же смотрела в телефон и увлеченно раскладывала фигурки

по экрану. Она подняла слезящиеся круглые глаза на мать и застонала:

– Мама, пойдем домой? Мама, я не хочу здесь быть...

Ее стоны мог прервать и строгий материнский взгляд, но врач опередил:

– Так, дайте врачу в его собственный кабинет пройти! Нет, сразу нельзя! Да что же это такое...

Он ловко проскользнул мимо огромной женщины, с усилием хлопнул дверью и, когда думал, что уже никто его не видит, закатил глаза, пробормотав под нос:

«Они никогда не кончатся. И никогда не возьмут в толк, как надо себя вести... Тупые, недалекие...»

Врач не успел придумать подходящего слова, кто же они – тупые и недалекие, шестым чувством уловил движение в кабинете. Олег Степанович приоткрыл глаза и увидел, что за столом, где еще утром сидел медбрат, теперь шуршит медицинскими карточками молоденькая девица в белом халате.

– А вы кто такая?

– Я Нина. Медсестра ваша на вечер. – Девица опустила в ящик стола часть бумаг, а часть оставила лежать.

– В смысле – на вечер? У меня тут Игорек работал с утра, куда делся?

– Так он, как и я, на четверть ставки. – Нина смотрела на доктора, как на дурачка.

«Ненавижу смены в выходные. Тут черт знает что творится, работают по полдня, а мне под каждого подстраивайся», –

с этими мыслями Олег Степанович уселся на широкий стул и стал выписывать имена пациентов.

– Зачем вы это делаете, в программе же все есть? – тут же полезла под руку медсестрица.

«А если программа полетит, как принимать будем?» – подумал врач, но не снизошел до ответа.

Девчонка ему не понравилась. Худенькая, говорливая и самоуверенная. Он не успел еще начать с ней работать, а уже хотел остаться один.

В дверь настойчиво постучали, и еще до того как Олег Степанович успел что-то сказать, в кабинет огромным шаром вкатилась женщина, преграждавшая путь в коридоре.

– Прием уже должен начаться! – властно заявила она и потянула упирающуюся дочь за руку к стулу.

Похоже, женщина совершила ошибку, потому что дочь завопила и зарыдала. Разыгрывалась семейная сцена, где девочка лила слезы, а мать успокаивала то лаской, то угрозами. Врач не вмешивался, он продолжал выписывать пациентов на листочек, быстро добавляя к фамилии и имени еще и год рождения.

«Хоть без мелюзги сегодня, одни школьники. И то хорошо. А нет, будет один, – Олег Степанович подчеркнул дату напротив фамилии мальчика и высчитал его возраст, – все равно, четыре года не два, есть шанс на адекватность».

Тем временем мать успокоила дочку и они уселись на два стула, приставленных к столу врача. Медсестра продолжала

молчать и смотрела на все спокойным, почти равнодушным взглядом. Она видела, как мамашка набрала в грудь побольше воздуха, чтобы окатить доктора своей душераздирающей историей.

– Значит так, Милана упала сегодня со скамейки. Я звала скорую...

– Во сколько?

– Что?

– Во сколько упала?

– А! В одиннадцать!

– Сознание теряла?

– Во-о-от! Она упала-то как будто от того, что потеряла сознание! Я скорой это...

– Вы были рядом? – снова перебил врач.

Но женщина не слышала его. Она продолжала рассказ, прерывая его лишь собственным визгом.

– Я скорой это сказала, но они отмахнулись! Но вы-то хороший доктор! Хотя вы напишите направление в неврологию! Ей голову проверить нужно! Вдруг эпилепсия?! Она со скамейки упала не просто так. У ее брата была эпилепсия, у нее отягощенная история! Я знаю, ее проверить надо. Дайте направление в больницу, а то на скорой бестолочи работают, бестолочи, понимаете?

Наконец воздух в легких женщины закончился и в кабинете повисла сладостная тишина. Девочка поерзала на стульчике и недовольно хрюкнула – из ее ослабевших рук упал

телефон.

– Вы все сказали? Теперь я буду спрашивать, а вы отвечайте кратко, хорошо?

Женщина поджала пухлые губы и сузила круглые глаза.

– Хорошо.

– Девочка упала со скамейки на спину?

– Нет, на левый бок.

– Она ударилась головой?

– Да!

– Нет! – одновременно с матерью ответила девочка.

– Ясно. Подойди сюда, я посмотрю, может, ты сломала что. Как тебя зовут?

– Милана, – ответила женщина за девочку.

– Женщина! Прекратите уже, а? Я не вас спрашивал!

Олег Степанович посветил в глаза фонариком, а потом резко стал сгибать-разгибать руки, надавил на плечи, и девочка сначала ойкнула, а потом заплакала.

– Мы сделаем рентген головы на всякий случай, но, скорее всего, у нее только перелом ключицы.

Врач стал размашисто писать на бумаге, его кустистые брови подергивались, глаза часто моргали, а козлиная борода, словно маятник, качалась вправо-влево.

– Идите на второй этаж, сделаете рентген и возвращайтесь! Все! Следующий!

– Но доктор!

Воздух накалился до предела. Прелюдия была окончена.

Женщина поднялась и ее голос заполнил все пространство в кабинете: он забрался даже под стол, под кушетку, в раковину рядом с дверью, под халат доктора и медсестры. Ее голос дрожал, вибрации проникали под мозговые оболочки и разливались мурашками по телу.

Олегу Степановичу потребовалось шестнадцать секунд, чтобы стряхнуть с себя напряжение и наконец взять ситуацию в свои руки.

– Уважаемая, – он полистал карточку, учтиво протянутую Ниной, – Алиса Максимовна! Я здесь врач, и, если вы не хотите навредить ребенку, делайте то, что вам говорят! На рентген!

Лицо Алисы Максимовны покраснелось, она запыхтела, но вынуждена была ретироваться. Травматолог слышал из коридора «жалобу напишу», «увольят» и еще какие-то угрозы. Но проем двери, как и внимание врача, заняла новая порция больных.

– Добрый день, позвольте войти?

Трель голоса молодой женщины разлилась металлическим перезвоном колокольчиков.

– Нет, подождите три минуты за дверью, – рыкнул Олег Степанович и тут же почувствовал слабый укол в груди.

Эта женщина вовсе не пробивалась к нему во что бы то ни стало и не требовала принять сию секунду. Она лишь быстро закрыла дверь со словами «Конечно, ждем».

Врач вернул карточку медсестре, открыл программу и на-

жал рядом с фамилией и именем *Скворцова Милана Сергеевна* кнопку «начать прием». Программа запускалась медленно, постепенно вырисовывая на экране окошки с разными графами. Врач не стал ничего отмечать, свернул окно приема Милены и навел курсор на следующего пациента.

– У этой Миланы брат умер, судя по генеалогии. Смотрите. – Нина протянула открытую карточку Олегу Степановичу, но он отмахнулся. В открытой маленькой книжице действительно мелькнул квадрат, закрашенный черным цветом². Под ним мелко и неразборчиво что-то было написано, а от него тянулась линия к кругу, подписанному *Милана*.

– Ниночка, занимайтесь, пожалуйста, своим делом, у нас полный коридор пациентов, некогда писульки рассматривать! Вот скажите, – он не дал осмыслить первый выпад и начал новое наступление, – вы сможете нормально перевязать перелом ключицы? Или мне самому придется этим заниматься?

Нина помолчала. Она смотрела на Олега Степановича с любопытством и не поддавалась на его давление. Наконец по ее губам пробежала легкая полуулыбка и она прожурчала:

– Конечно смогу. Я вообще все могу. Я, между прочим, уже четвертый курс заканчиваю. Между прочим, в первом меде, если хотите знать.

² В генеалогическом древе мужчины и мальчики обозначаются квадратом, женщины и девочки – кругом. Живые не закрашиваются, тяжело больные штрихуются, умершие закрашиваются черным.

Нина смотрела на генеалогию девочки и чувствовала жгучую досаду. Этот сухарь не хотел и не мог понять бедную мать, потерявшую первого ребенка. За черным квадратом скрывалось очень много боли, слез и отчаяния. Не нужно прожить что-то подобное, чтобы понять это.

– Так вы будущая коллега? Женщинам-травматологам трудновато...

– Во-первых, не так уж и трудновато, – Нина перебила его резко и беззастенчиво, – а во-вторых, я и не собираюсь в травматологию.

– А что ж тут тогда время теряете?

– А то, что в нейрохирургии ставок не было. Я уже все пороги обила. Может, вы мне поможете? Есть у вас знакомые, кто мог бы устроить?

Нина не относилась к тем студенткам, что дрожат перед опытными врачами. Она в них не верила и даже не уважала. Особенно таких, как Олег Степанович – засевших в травм-пункте на десятилетия, забывших об операциях и незнакомых с новыми методами лечения. Нина твердо была уверена: она никогда, ни за что не станет такой. Но если он может помочь, так пусть хоть что-то полезное сделает в жизни.

Травматолог не улавливал этих настроений помощницы. Он видел в ней неглубокую, глупую студенточку, которая закончит карьеру декретом еще до того, как станет участковым врачом.

– Я травматолог, – ответил Олег Степанович, – а не ней-

рохирург. Зови следующих.

В кабинет зашла стройная дамочка. На вид она была на пороге тридцати лет: на лице появились первые морщинки, но выглядела потрясающе. Изумрудный костюм ярким пятном разрывал серую обстановку, волосы были собраны в конский хвост, но красиво лежали волнами на спине. Высокие скулы, легкий макияж и идеально белые кеды – она представляла собой образец стиля была образцом стиля. За ручку она держала сына-четырёхлетку, такого же модника: горчичного цвета брюки, рубашка в клеточку и черные кеды. Правая рука неловко, но по всем правилам примотана к туловищу. А глаза покраснели от слез. Ему было очень больно, но он держался как мог.

– Добрый день, – поздоровалась молодая женщина.

– Добрый день, – вторил ей сын.

– Здравствуйте. – Олег Степанович улыбнулся первый раз с начала приема и жестом пригласил присесть.

Мальчик разместился на широком стуле, а его мама присела на кушетку. Они молчали, ожидая от врача разрешения начать рассказ.

– Что у вас случилось?

– Ваня в комнате играл и как-то так неудачно прыгнул, и на руку приземлился. Вот и все.

– Вы сами зафиксировали руку?

Одновременно с опросом Олег Степанович разрезал бинты и снимал рубашку с мальчика. Его мама – бледная и ис-

пуганная – ответила не сразу.

– Да, сама. Я курсы первой помощи проходила. Вот при-
годилось, к сожалению. – Она сделала паузу, взглянула на
сына и обратилась к нему. – Ты как?

– Больно, – хрипло ответил мальчик, и по его лицу без-
звучно потекли слезы.

– Да ты у нас боец, – решил поддержать Олег Степано-
вич. – Такую боль не каждый взрослый выдержит так стойко.

Врач осмотрел руку, вздохнул – «Все ясно» – и отправил
на рентген и эту пару.

– Это перелом, да? – перезвон металлических колоколь-
чиков в женском голосе дрожал тревожностью и страхом.

– Да, перелом. Сейчас сделаем снимок, и станет ясно,
только лучевая у нас повреждена или локтевая тоже. И есть
ли смещение. По осмотру кажется, что нет, но если есть,
то могут быть повреждены внутренние ткани, это серьезнее.
Пока не спешите расстраиваться и сделайте снимок.

С каждым словом врача глаза матери наполнялись слеза-
ми, а сына – страхом. И слабая попытка доктора успокоить
не принесла никаких результатов.

– Спасибо. Ванюша, пойдем. – Мама нежно опустила руку
сыну на здоровое плечо и повела его в коридор.

«Такая милая. Ведь так переживает за сына. И не нужно
ставить на уши весь травмпункт, чтобы ей помогли», – думал
врач.

Спокойная атмосфера в кабинете прервалась спустя

несколько секунд, как закрылась дверь. В кабинет попытались пройти следующие пациенты, но их придавило к стене: Алиса Максимовна и ее дочь вернулись со снимками и не оставили шанса попасть в кабинет кому бы то ни было. Женщина победоносно положила рентгенограммы на стол врача. Напряжение, которое полностью исчезло, снова вернулось.

– Ну?

Олег Степанович поднял снимки на свет.

– Повреждений черепа нет. Вы понаблюдайте еще в течение суток: тошнота, рвота, головокружение, сонливость и вялость могут быть признаками сотрясения. Но! После травмпункта девочка будет уставшая и ей просто нужно поспать! Не путайте, пожалуйста, усталость и повышенную сонливость!

Он поднял второй снимок. Действовал врач быстро, почти молниеносно, не давая матери издать и звука.

– Как я и говорил, перелом ключицы. Ниночка, повязку Дезо сделайте, пожалуйста.

Медсестра повела бровью и изменилась в лице, но ничего не сказала. Она собрала бинты и повернулась к Милане. Нина старательно улыбалась, и звуки ее голоса нежной песней убаюкивали тревожность Алисы Михайловны, страх Миланы и раздражение Олега Степановича.

– Приступим, Миланочка? – пела Нина. – Натерпелась, моя хорошая. Сейчас будет неприятно, но недолго совсем, только когда бинты подложу... Оп!

– Ай!

– Все-все, мой дружочек-пирожочек... Сейчас замотаем тебя, как гусеничку, а когда придет время разматывать, станешь у нас настоящей бабочкой... Ты ведь в школе учишься, вы не смотрели, как гусеницы в бабочек превращаются? Нет? А сама, может, в мультике видела? Да?

В груди Олега Степановича свербело. Он смотрел на Алису Максимовну и разрывался между желанием помочь и выставить за дверь. «Что там Нина говорила? Сын погиб? Так что ж, это повод теперь другим всю душу вынуть? Раз ее жизнь покалечила, так и меня надо?» – думал Олег Степанович, пока оформлял в программе прием.

– Диагноз... перелом ключицы... код по МКБ³... S42... при пальпации...

Травматолог бормотал довольно громко, пытаясь прогнать из головы мысли о шарообразной женщине и ее мертвом сыне, а из ушей мелодичный голос Ниночки.

Когда дверь за пациентами закрылась, Олег Степанович сам вышел в коридор и объявил, чтобы не ломились в кабинет, он сам позовет следующих. Медсестра тоже сорвалась с места – ей срочно понадобилось что-то в коридоре.

Нина догнала Алису Максимовну уже на улице.

– Стойте! Я хочу вам кое-что сказать!

Женщина смотрела на Нину враждебно.

– Что же?

³ МКБ – международная классификация болезней.

– Я уже давно работаю в травме и еще подрабатываю в нейрохирургии. – Нина беззастенчиво соврала, оправдывая себя тем, что хотела, чтобы ей верили. – У вашей дочки точно нет сотрясения. Я внимательно смотрела за ней, когда делала фиксацию. Не переживайте...

Медсестра не успела договорить. Алиса Максимовна увеличилась в размерах от негодования и пошла в наступление.

– Знаешь что, милочка! Ты ничего не могла понять за одну минуту! Вы все – врачи, медсестры! – просто штаны просиживаете! Иди к черту!

Алиса Максимовна развернулась на низких каблуках и гордо стала переваливаться из стороны в сторону. Милана бежала следом. У Нины в глазах стояли слезы. Она не понимала, за что с ней так обошлись. Но другие пациенты не ждали, надо было возвращаться в кабинет.

– Дай мне карточку второго, Вани, – сказал Олег Степанович властно медсестре, когда та вернулась на рабочее место.

– Так нет их карточки, они не к нашей поликлинике прикреплены. Но участок все равно наш, так что снимать у нас тоже будут.

– Я понял. Вот номер. Петр Александрович Журавков, нейрохирургией заведует в пятьдесят второй, скажи, что от меня. На ставку не возьмут, но на четверть могут. Или на полставки. А если реально в нейро хочешь, так, может, и к врачу припишут. Договорись, в общем.

Глаза у Ниночки загорелись. Она схватила листок и стала

быстро переносить номер в телефон.

– Не хочу других принимать, пока эта модная мама не вернется. С такими приятно работать, после этой Алисы мне надо видеть, что есть адекватные люди.

Травматолог говорил с Ниной, но не ждал от нее ответа. Медсестра это поняла и не стала ничего отвечать на последнюю реплику, но поблагодарила за номер.

– Шмаков Иван!

Врач выглянул в коридор и позвал пациентов, уже вернувшихся после рентгена. На лавочке рядом с кабинетом сидели Ваня со сломанной рукой, его мама и отец, который предпочел не заходить в кабинет. Это был высокий мужчина в рубашке и вязаном жилете, брюках и туфлях. На длинном худом лице, напрочь лишенном мужской растительности, гордо красовались очки в черепаховой оправе. Его лицо было бледным, даже бледнее, чем у сына, он держал жену за руку и раскачиваясь приговаривал: «Все будет нормально, все будет нормально».

Мама с сыном прошли в кабинет, а отец остался сидеть в коридоре. Она молча протянула снимки.

– Все неплохо, – прокомментировал Олег Степанович. – Перелом локтевой кости без смещения. Просто гипс наложим и отправим вас на три недели.

Врач улыбнулся молодой женщине, но она не ответила улыбкой. Ее лицо было не просто бледным – оно слегка позеленело, на лбу выступила испарина.

– Спасибо вам, это большое облегчение. За три недели все заживет?

– Ну, мы сделаем контрольный снимок через десять дней, и там будет видно, сколько ему с гипсом ходить. Обычно все-таки месяц требуется, но у многих и за три недели заживает. Как пойдет. Вы сами-то как? Выглядите неважно.

Женщина отмахнулась:

– Я просто за сына переживаю. – Перезвон ее колокольчиков звучал неестественно холодно и фальшиво.

Ее пухлые, нежные губки обескровились и потрескались. Правая рука обхватила левую выше локтя и сильно сжала. Она не пошла с сыном в соседний кабинет, где накладывали гипс. Мальчик все терпел молча и, когда становилось невыносимо, выпускал несколько слезинок. Атмосфера в кабинете, которая буквально несколько минут назад была раскалена до предела, застывала, словно студень в холодильнике. Жар истерики Алисы Максимовны сменился фригидностью мамы, чье имя так и не было названо.

Когда Нина закончила с гипсом, а мальчик с одобрения матери получил от медсестры конфету, врач принялся традиционно объяснять дальнейшие действия.

– Может сильно болеть, тогда дайте ему ибупрофен, будет сильно чесаться, но чесать нельзя. Я вас запишу к себе сразу на следующий прием. – Он щелкнул мышкой по соответствующей вкладке.

– А можно просто направление открыть? Я не уверена,

что знаю, в какой день смогу прийти и смогу ли вообще...

Женщина вздрогнула, причина этой дрожи так и осталась непонятна. Врач пожал плечами и, выбирая между «записать на прием к...» и «открыть направление к травматологу-ортопеду», выбрал второй вариант.

– Только, пожалуйста, запишитесь или ко мне, или к Орловой. У Степанченко только ортопедия, она с травмами не работает. Хорошо?

– Конечно, доктор. Все, как вы скажете.

– Услада для ушей врача, – посмеялся Олег Степанович.

Его поддержала коротким смешком Нина, но мама Вани лишь кротко улыбнулась. Они забрали снимки и вышли.

– Что-то с ней не так, – сказала Нина доктору.

– Да, уж очень она бледная и даже зеленая. В любом случае так приятно работать с адекватными людьми! Если бы не такие, благодарные пациенты, я бы давно уволился. Такие, как эта Алиса, ломают и своих детей, и нас, врачей.

* * *

В аудитории стоял характерный гул. Студенты в белых халатах не спеша подтягивались к началу лекции. То тут, то там стояли компании ребят, которые эмоционально делились новостями после выходных. У всех они прошли по-разному: кто-то их провел в баре, кто-то на природе, а кто-то на работе. В самой многочисленной компании все внимательно слу-

шали парня с аккуратно уложенными волосами. С первого же взгляда становилось понятно, что он претендовал бы на роль местной звезды, если бы не чересчур самодостаточные однокурсники.

Парень был единственным, кого взяли работать помощником судмедэксперта еще до того, как начался цикл по этому предмету. Кто-то говорил, что у него были связи, кто-то говорил, что он целый год ходил на кафедру и буквально умолял взять его и что работал бесплатно. На самом деле парню просто повезло: еще во времена учебы в медицинском колледже он на практике встретился с судебным медэкспертом и тот просто предложил поработать с ним на кафедре. Зарплату обещали символическую, зато много опыта и интересных историй.

– Короче, сорвалась эта мамка. Прямо на глазах сына ширнулась и все, представляете! Передоз!

В аудиторию зашла Нина. Она прошла к одноклассникам и, не снимая сумки с плеча, вклинилась в разговор.

– У меня, конечно, тоже интересная смена была, но с тобой, Антон, не потягаться! Давай-ка еще раз историю заново! – Она протянула ему стаканчик с кофе, и парень отпил большой глоток.

– Да рассказываю, что привезли нам женщину на вскрытие. У нее передоз. Красотка просто, – он сделал движение губами, изображая поцелуй, – живет... жила в шикарном особняке с мужем и сыном. Они с мужем целый день собачи-

лись из-за ее зависимости. Сын руку сломал, я думаю, чтобы переключить внимание родителей...

– Красотка, говоришь? Сын руку сломал? А как ее фамилия?

– Шмакова Ирина она, а что?

Нина раздвинула сокурсников и опустилась на скамейку. Перед глазами стояла почему-то огромная Алиса Максимовна, посылающая ее к черту. А вот лицо женщины в изумрудном костюме смазалось, расплылось и никак не могло собраться в цельную картинку.

* * *

Три недели спустя.

Поздним вечером, когда большую часть пациентов приняли, а еще часть не выдержала и уехала в частные клиники, Олег Степанович пригласил в кабинет последних в очереди – бабушку и внука. На месте Нины сидела знакомая по рабочим будням Надежда Петровна – медсестра с сорокалетним стажем пользовалась глубоким уважением у травматолога. Обычно Надежда Петровна не работала по выходным, но в этот раз у нее случились финансовые сложности, и поэтому ради нее с легкостью поправили график.

– Ваня, здравствуй. Как твоя рука? – первым поприветствовал юного пациента доктор.

Мальчик выглядел немного странно: у него как будто от

Вновь надломилось, вновь внутренний стержень дал трещину, и стало снова, как раньше, больно за людей.

Мария Королева.

Точка бифуркации

Точка бифуркации – критическое состояние системы, при котором система становится неустойчивой относительно флуктуаций и возникает неопределенность: станет ли состояние системы хаотическим, или она перейдет на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности. Термин из теории самоорганизации.

Декабрь 1993-го. Мне четыре года. Примерно двадцать один десять. Закончились «Спокойной ночи, малыши», мы сидим с папой на полу в дальней комнате квартиры напротив друг друга и катаем резиновые мячи разного диаметра.

Катать мячи непросто. Особенно, если хочется, чтобы это было красиво.

В комнату входит мама с просьбой, чтобы я шла спать. Спать не хочется. Хочется играть с папой. Она берет меня за руку, тянет и... «вынимает» мою руку из плечевого сустава.

Вы когда-нибудь видели, чтобы рука просто висела? И с ней, и ею ничего нельзя было сделать?

Стоит ли говорить, что легла я спать нескоро. Ведь сначала надо было поехать в травмпункт, чтобы «вставить» мою несчастную руку обратно.

Пошли одеваться. Это оказался тот еще квест. Не знаю, как в других городах России, но на Крайнем Севере у всех детей были не просто теплые штаны, а комбинезоны – чтобы не поддувало. На моем комбинезоне почему-то не расстегивались сверху лямки, и было совершенно непонятно, как просунуть в отверстие руку. А как надеть шубу?

Следующее, что я помню, – кабинет врача. Какой-то невероятный станок, который напоминал вязальную машину соседки, но раз в десять больше. Я подумала, что меня положат на стол и именно этим станком пришьют руку обратно.

Если вы сейчас подумали, что я боялась, спешу разочаровать: нет, не боялась. Мне было интересно.

Лето 1991 года. Мне еще нет двух лет. Утро. Я лежу в детской кроватке и смотрю на шатающуюся люстру. В Иркутске землетрясение. Наша квартира находилась на первом этаже. Как ни в чем не бывало я ползу к дырке (в кроватке не было одного прутика, и я вполне могла вылезти через дырку сама) и выхожу в большую комнату. На диване сидит пришедший дедушка, мама что-то готовит на кухне. Никакой паники. Я открываю шкаф и достаю игрушки. Я самодостаточна.

Казалось бы, землетрясение! Но никакой паники. Так до сих пор. Если происходит какая-то нестандартная ситуация, в которой большинство людей паникует, я, наоборот, становлюсь самым спокойствием и четко понимаю, что делать.

С чем это связано? Возможно, с тем, что с детства я ощущала себя чаще всего обособленной, самостоятельной ответ-

ственной личностью. И редко впадала в страхи и капризы (да и были ли это мои страхи?).

Возвращаясь в детство, я понимаю, что настоящим ребенком я могла быть только рядом с другими детьми. Мне разрешалось? Или я сама себе разрешала? То есть была ли это ответственность моих родителей? Наверное, только в том, что мне просто не напоминали, что я ребенок. А ответственность на себя я взяла сама довольно рано. Ответственность за все. Интересно, что до сих пор о некоторых вещах мне надо напоминать. Напоминать, чтобы я поела, а лучше – прямо накормить, чтобы пошла спать, чтобы плюнула на какие-то задачи, чтобы убрала телефон и побыла в моменте.

В любом случае я росла, росли и дети вокруг. Пресловутый внутренний ребенок спрятался в самом укромном уголке моей души.

Осень 2010 года. Я студентка пятого курса МГТУ им. Н. Э. Баумана. Хорошо, если честнее – первого курса магистратуры. Но в то время только начиналось это деление. Тогда в основном все еще учились на специалитете шесть лет. И курсы мы считали с первого по шестой. Неважно. Важно было выбрать научного руководителя. Да так, чтобы не только магистерскую классную подготовить, но и кандидатскую диссертацию защитить. Да, о том, что я буду кандидатом наук, я знала еще в конце школы. Спасибо маме. Нет, она не мечтала, чтобы кандидатом наук была я. Она просто делала и защищала свою диссертацию. Передо мной был пример,

как это увлекательно. И я хотела так же. Кроме того, с момента поступления в университет в 2006 году, я знала, что моя жизнь будет связана с Бауманкой надолго.

На кафедре выбор был. Не такой большой, но все же. «Нет, этот не подходит, много математики, у меня с ней не очень», – так отпал первый профессор. «Он же вынесет мне весь мозг!» – так отпал второй. «Классный, интересная тема, но мне не так интересно», – минус еще один. «Этот даже не доцент, а у этого никто не защищается», – так отпадали и другие кандидатуры. И вдруг я ясным взглядом смотрю на Тарасова Валерия Борисовича. Кандидата технических наук, доцента. Большого в прямом, самом прямом, и переносном смысле и улыбающегося человека.

Накануне этого учебного года у нас был конфликт. На четвертом курсе в осеннем семестре у нас была дисциплина «Системный анализ и синтез». Мы все первые три года обучения ждали этот предмет. Его должен был читать молодой преподаватель *X*. И вот в начале семестра в расписании мы видим фамилию *Тарасов* под названием курса. Приходим на занятие, а преподавателя нет. Попросили нашу мечту *X* прочитать первое занятие. Приходим на второй неделе – преподавателя нет. Третья неделя – преподавателя нет. Только в 2011-м я узнаю, что в начале сентября в Дивноморском каждый год проходит замечательная конференция, где и тусит, как его потом прозвали, ВБ, а тогда... у нас же семестр! Нам учиться надо. Мы пишем служебную записку на

имя заведующего кафедрой с просьбой заменить преподавателя. Преподавателя нам не меняют, но Тарасов наконец появляется. Регулярно опаздывает, иногда пропускает занятия (всегда были веские причины). Но рассказывает очень интересно о совершенно непонятных вещах. Курс заканчивался экзаменом. Это был самый длинный экзамен в истории нашего потока. Он шел около десяти часов.

Конфликт конфликтом, а Валерий Борисович согласился взять меня под свое руководство.

Как потом оказалось, это было не последнее столкновение. Но разве могут быть отношения без разногласий и споров? Детскость ВБ и моя взрослость часто сталкивались и конфликтовали.

Сейчас понимаю, что почти все ситуации проявления его детскости и моего вовлечения тянут на административные правонарушения.

Декабрь 2011 года. Санкт-Петербург. Одна из моих первых конференций. ВБ, его аспирантка, студенты: я и мой сокурсник. Конференция конференцией, но есть и другая программа. С друзьями ВБ. Поужинав, ночью мы все отправляемся гулять по городу. Естественно, не на трезвую голову. Доходим до ростральных колонн на стрелке Васильевского острова. Вы помните их? Там фигуры рек в виде древних греков. И ВБ командует, то ли у Днепра, то ли у Волхва: «Так! Девочки! Быстренько! Залезаем! Одна на одно колено, другая на другое! И делаем фото! Толенька! Фотографи-

руй!» В моей голове уже кричит занудный взрослый: «Господи! Сейчас приедет милиция. Нас заберут. Боже, стыд и позор какой! Это же памятники!» Что-то вырывается наружу, но на меня никто не обращает внимания, все радуются и творят безумства. Мы идем в сторону Эрмитажа, минуя Медного всадника. Видимо, его судьба решила пожалеть. Так и вижу эту картину, как в кино: зима, памятник, хлопья снега и советская оркестровая музыка, а мы проходим мимо.

Мне с детства очень нравилась песня «Атланты держат небо на каменных руках», но, будучи уже пару раз в Санкт-Петербурге, я не знала, где же они – великие атланты. И вот... мы подходим к ним. Помните их? Какие у них ноги! Какие пальцы! Это то, что на уровне глаз. Я с интересом рассматриваю, как вдруг меня разворачивают, хватают в охапку за бедра и ставят на свод ног одного из атлантов. И я стою в весьма странной позе, пытаюсь держаться за каменные икры и упираю плечи в колени, пытаюсь не соскользнуть (зима же!). На фото у меня глаза по пять копеек, а ВБ совершенно счастлив.

Потом еще будет невозможно странное кафе в подворотне, с отвратительными бутербродами и водкой. Такси, в котором мы поедем впятером. Я буду лежать сверху трех человек на заднем сиденье.

В общем, это было первым путешествием с ВБ, в котором я узнала его безбашенность.

Декабрь 2012-го. Летим в Баку на международную конфе-

ренцию по мягким вычислениям. Те, кто был в восточных странах, знают гостеприимность местных. Здесь я попробовала шашлык из бычьих яиц (вы еще тут?), блюдо из мозгов, которое местные готовят, когда у ребенка появляется первый зуб, микроскопические пельмени и многое другое.

Нас встречает друг ВБ. Мы тут же мчим на Каспий, заезжая на дачу. Безлюдный берег, море и нефтяные станции вдалеке навсегда в моей памяти.

Уже на следующий день мы выясняем, что нас ждал автобус организаторов, а мы сбежали.

Заселяют нас в шикарный отель пять звезд. Бесплатно. Банкеты каждый вечер. Тоже бесплатно.

Везде мы ездим с другом ВБ. После одного из банкетов все навеселе. Самой трезвой, точнее наименее пьяной, оказываюсь я. Меня вынуждают сесть за руль после бокала вина, хоть я и долго отнекиваюсь. Автомобиль с автоматической коробкой передач. Казалось бы, что такого? Но я никогда не ездила на автомате. И в таких низких машинах (я люблю внедорожники). В общем, в прекрасном Баку, в котором сочетаются эпохи, как ни в одном другом городе мира, пару раз все протрезвели, когда я нажимала педаль тормоза вместо сцепления. До гостиницы доехали.

Проходит пара месяцев.

Заходит ВБ в кабинет и говорит, что нам надо подать статью на конференцию по универсальной логике.

– Да, конечно! А где будет конференция?

– В Бразилии.

– В Бразилии?! – В какой-то мере я стала очень легка на подъем благодаря ВБ, он передал мне частичку своей энергии. В моей голове уже играет песня: «И я хочу в Бразилию к далеким берегам...» Внезапно Бразилия становится очень близкой, а слова песни приобретают реальный смысл.

– Да, статью нам надо край завтра отправить, я сделал заготовку, – говорит ВБ, но энтузиазм его слаб, в словах звучат обязательства и интерес, но нет знакомой радости от предстоящего путешествия.

– Валерий Борисович, а мы поедem в Бразилию?

Он смотрит на меня немного скептически.

Статью отправляем в срок (что нам крайне несвойственно), и на следующий день я уже ищу билеты в Рио-де-Жанейро, туда, где снимали мыльные оперы и «все поголовно в белых штанах». У меня есть качество – находить. Вещи, билеты, таблетки... И я нахожу прекрасные билеты. Примерно за сорок две тысячи рублей на каждого мы могли слетать туда-обратно авиакомпанией British Airways.

Такая цена вдохновляет ВБ, я прожужжала все уши двум его аспирантам, и в конце марта 2013-го мы летим в Рио! Оказалось, что ВБ тяжело даются длинные перелеты. После пересадки в Лондоне на борту самолета ВБ выпивает много алкоголя. Но ведет себя тихо. Бортпроводница начинает нас игнорировать. Остаток полета приходится держать ВБ за руку, как маленького. Это мило.

Конференция проходит на базах... военных университетов рядом с пляжем. Конечно, не заседаниями секций едиными, не океаном одним. Мы много гуляем, пьем кашасу и много прекрасного пива. Неожиданно? Да, в Бразилию в свое время уезжали немцы после Второй мировой, они построили заводы и запустили изготовление отличного пива, оно совсем иное, нежели в Германии, но так отлично подходит Бразилии.

Вы же знаете, что Бразилия – пятая страна мира по площади? Расстояния здесь приличные. Но это не останавливает меня от идеи поехать на водопады Игуасу, на границе Бразилии и Аргентины. Я загорелась этим после разговоров о водопадах с ВБ. Остальные относятся скептически: еще тратить деньги на полет на водопад! Но когда? Когда еще мы приедем на этот континент? Я убеждаю всех, и мы мчим на водопады. Гуляем по парку, трогаем разных диких животных (где были наши мозги?) и даже плаваем под водопадами на лодке. Все путешествие наполнено невероятной детской радостью, в душе все сжимается от страха и мощности воды.

Также мы съездили в небольшое путешествие на острова Ангра-дус-Рейс. Однажды попав на серию бразильского сериала после поездки, я уже совершенно иначе воспринимала слова героев о том, что они встречаются на Ипанеме или едут на острова Ангра-дус-Рейс. На них были большие камни, белый песок и кустарная зелень.

ВБ, как обычно, командовал, кому куда залезть, встать,

сесть, пойти. Фотографии у него получались невероятные!

Присаживаюсь я на один из камней, а оттуда выбегают большие тараканы! Или жуки. В тот момент – не до исследований биологического разнообразия южноамериканской фауны. Я несусь, как ненормальная, в океан!

Знаете, девочки такие девочки. Многим из нас не нравится наше тело, как мы выйдем и так далее. Но на фотографиях из Бразилии я просто прекрасна. Я не из тех людей, кто будет вешать дома свою фотографию в рамке. Но кадр, где я выхожу из океана, пойманный ВБ, просто потрясающий.

С какими приключениями мы возвращались из Бразилии – достойно отдельного рассказа.

Перед Бразилией мы успели слетать вдвоем в Европу – ВБ горел желанием показать Париж! Несколько лет, в девяностых, он работал приглашенным профессором в Университете Валансьен и Эно-Камбрези, во Франции. Свободно говорил на французском, а недавно я нашла его рукописные переводы французских художественных книг. Франция занимала большую часть в его сердце и он захотел поделиться этим со мной, тем более представилась возможность: нас пригласили в университет Мюнстера в Германию на встречу. Ну а где Германия, там и Франция. А еще Бельгия: мы съездили туда с другом ВБ, разработчиком отечественной системы моделирования. В Германии живет моя близкая подруга детства, в Германию же примчался из Бельгии друг ВБ – СИ. И мы отлично провели вместе вечер в тихом итальянском

ресторане, который нашли с большим трудом: был день карнавала, все кипело и бурлило, совершенно несвойственная вечерней Германии иллюминация баров, шум, гам, люди навеселе и куча мусора.

На следующее утро, загрузившись в небольшую «беху» СИ, мы помчались в Бельгию. Прекрасные кастрюльки мидий в Брюгге, в котором надо было бы залечь на дно, отличное пиво в Брюсселе на площади. Еще через день, после обеда, мы сели на поезд и поехали во Францию, написав СИ смс: «ВБ выпил все пиво в Брюсселе. Мчим в Париж!»

Что в Брюсселе, что в Париже люди с некоторым недопониманием? удивлением? встречали нас. Согласитесь, странная парочка: большой во всех смыслах, взрослый, свободно говорящий на французском и шутящий ВБ и юная серьезная я, говорящая на английском, который там никому не сдался. Свой отпечаток накладывал еще и приближающийся День святого Валентина. Официанты каждый раз уточняли, как ко мне обращаться: «мадам» или «мадемуазель». Я перестала смущаться, и мы много шутили по этому поводу, в том числе над официантами.

Но в первый день в Париже мне было не до смеха. Мы шли по Елисейским полям. Не знаю, чего ждала я, но никак не огромный, огромнейший проспект с бутиками. Казалось, что поля шире Тверской раза в три—четыре. Давайте честно – я ожидала буквально поля. На худой конец, что-то типа Марсового поля в Питере. А еще был совершеннейший ду-

бак. Не ожидала я, что в середине февраля в Европе может быть *так* холодно!

Когда уже зуб на зуб не попадал, я взмолилась. Мы нашли ирландский паб. Я с огромнейшим трудом попросила кофе по-ирландски. Вероятно, видя, как стучат мои зубы и как я дрожу, бармен решил сделать волшебный напиток: в нем было три четверти виски, немного эспрессо и взбитые сливки. Как думаете, что пил ВБ? Виски? Отнюдь. Он пил пиво! Никакой холод не мог его пронять.

Парижем тогда я не вдохновилась. Вновь поехать туда захотелось лишь в начале 2022 года.

Следующей нашей крупной конференцией после Бразилии была конференция в Ташкенте. Поездки по миру – вот какую возможность в то время давала научная деятельность (останется ли сейчас так же – большой вопрос). Казалось, ВБ был совершенно свободен в выборе, куда ему лететь в следующий раз.

Ноябрь 2014 года. Ташкент. Отличный лагман, плов и шашлык. Невероятные поминки давно умершего ректора. Безумный холод в Самарканде. Потрясающая Хива и покупка монет у нумизматов, что не было предусмотрено тогда законом. Долгий, невозможно долгий досмотр в аэропорту. И харассмент со стороны профессора из Египта. Тогда я не знала, как это называется, но испугалась не на шутку.

Несмотря на то, что все ограничилось только словами, было мерзкое ощущение. После случившегося я ни на шаг не

отходила от ВБ, а он провожал меня в номер и встречал у него же. Это все, чем запомнилась поездка. Ах да. Еще рубль упал. Помню, как мы с ВБ и очень крутым профессором из Азербайджана (не тем, который нас встречал в Баку) сидели в фойе гостиницы и смотрели новости о падающей цене на нефть. Если бы мы были в Москве, ВБ потащил бы меня сразу же в банк! Валюту менять. Что, впрочем, и произошло буквально через неделю.

Было еще много путешествий, детскости, спонтанности и безбашенности.

Мой научный приятель С. в то время сказал мне: «Маша! Ты лягушка-путешественница! Когда тебе это надоест?»

В 2017-м я вышла замуж, число наших поездок сократилось. В последствии я узнала, что ВБ обижался немного на меня за это. Но тогда одна из моих субличностей сказала: хватит детскости, пора возвращаться к ответственности, я же взрослая девочка. А внутренняя малышка отправилась в подсобку.

Июль 2021-го. Сириус, Сочи. Переписка в WhatsApp, посылаю ВБ фото мидий и бокала шотландского пива со словами: «Приезжайте скорее! Пойдем в паб пить пиво и есть мидии!» Приезжает. Проводит потрясающие лекции на организованной нами школе. В бар идет не со мной. Заболевает.

ВБ умер стремительно. От ковида.

Сентябрь 2021-го. Первая запись в дневнике, предднерожденческая:

...чувствую, знаю, что это будет очень мощный, не просто трансформационный, а наполненный совершенно новыми событиями, чувствами и эмоциями год.

Накаркала.

Ноябрь 2021 года. Рука в небольших поражениях кожи. В октябре началась психосоматическая сыпь на руке. Финальный этап работы над тяжелым проектом. Дикая усталость. Семестр в самом разгаре. Все курсы ВБ достались в наследство именно мне. Ответственность. Перегруженный мозг. «Бли-и-и-ин... как хочется пострелять! Это, наверное, такая концентрация! А мозг-то как отдохнет!» – мои мысли в тот момент. Делюсь с другом и с одним коллегой поразившей меня идеей. Оба кивают и говорят, что это мощная перезагрузка. Они знают, о чем говорят. Один был на фельдъегерской службе, другой – мастер спорта по стрельбе. О, сколько новых открытий! Есть спортивная стрельба!

Январь 2022 года. Вторая запись в дневнике. Третья. Четвертая. Я писала как не в себя. Моя кисть поражена полностью. И вдруг говорю мужу: «Я больше не могу. Я не хочу приходить домой. Кажется, я умираю каждый день. Давай разъедемся».

Еще позднее в январе: «Суть ежегодного обследования – вовремя обнаружить неполадки. У вас эндометриоз, причем скорость образования высокая. У каждой женщины причины индивидуальны». Но мне было совершенно неважно, какие причины у других. Я точно знала, моя – психосоматиче-

ская.

Февраль 2022-го. Сложившаяся геополитическая ситуация оказалась недостаточным поводом съехаться обратно.

Март 2022-го. Март схлопнулся в одну точку. Но отношения с пока еще мужем улучшились. Вышли на новый уровень понимания, поддержки, принятия.

– Что ты решила? Поедешь со мной?

– Нет. Но это связано не с тобой. Мое место здесь.

– Впрочем, ничего нового.

– Да. Знаешь, мы же эти ценности не прятали друг от друга. Мы знали о них. Но они были второстепенными. А теперь, в текущей ситуации, они вышли на первый план в принятии решений.

– Значит, развод?

– Да.

Апрель 2022-го. Развод. Психосоматическое расстройство практически сошло на нет, а эндометриоз был удален хирургически в самом конце марта.

Май 2022-го. Заключение по данным экспериментально-психологического исследования: «Шкала *Самообладание* характеризует испытуемую как владеющую собой, указывает на ее эмоциональную устойчивость. Однако очень высокий балл по этой шкале показывает о чрезмерном сознательном ограничении спонтанности в поведении, что может приводить к внутренней напряженности и утомляемости».

Вы подумали, что у меня был нервный срыв? Нет. Верни-

тись к ноябрю.

Мне просто нужно было пройти тестирование и получить заключение о том, что у меня нет противопоказаний к хранению и использованию оружия.

Июнь 2022 года. Оказалось, что ВБ был не просто научным руководителем, он был мне близким другом. Мы вместе учились говорить друг другу важные вещи, объяснять то или иное действие. Мне казалось, что все мы – его ученики и друзья – резко осиротели с уходом ВБ. При этом он оставил в наследство ценность человеческого общения, поддержки и теплоты. Он научил дружить. Дружить с разными людьми.

– Мы же уже выяснили, что нет во мне спонтанности. У меня даже бумажка от клинического психолога с заключением есть, – говорю я.

– Так вот я и стараюсь показать тебе, что спонтанность не страшна. Станешь еще спонтанной. Научим, – отвечает во время кофе-брейка на очередной конференции наш теперь уже общий друг с ВБ.

На следующий день с ним же. Восемнадцать двадцать.

– Ты что, только сейчас закончила плакать?

– Нет.

– Но ты обещала позвонить, как успокоишься.

– Да, но я засела работать.

На том конце провода тишина, но ощущается улыбка.

– Я буду через сорок минут у метро. Давай погуляем вместе? – выпаливаю я.

– Пойдем.

– Это спонтанное предложение!

– А выглядит как продуманное.

– Но в тринадцать ноль-ноль, когда пришло в голову, было спонтанным. – Я улыбаюсь.

...

– Почему ты плакала?

– Понимаешь, я вдруг осознала, что прожила смерть ВБ только в одном, самом поверхностном и понятном для меня самой аспекте, профессиональном. Но вдруг оказалось... что он наполнял меня детскостью. Его не стало, не стало и детскости. Оказалось, ее нет во мне. Или она есть, но где-то так глубоко и под такой бетонной плитой взрослости и ответственности, что не добраться, не отыскать. И твои вчерашние слова про спонтанность вдруг открыли на это глаза. Все будто разложилось по полочкам. Все стало так очевидно. Знаешь, будто я находилась в равновесии. Представь весы. На правой чаше большой великий ВБ со своими энтузиазмом, легкостью, детскостью, спонтанностью, радостью, свободой, а на другой я, мое окружение, взрослость, ответственность, долженствование, мысли о судьбах мира и так далее. Не будем вдаваться в подробности. Остановимся на этом. ВБ ушел. И левая чаша весов перевесила, причем так, что вся конструкция нарушилась, опора весов не выдержала, она была устойчива только из-за плюс-минус одинакового веса чаш. Все полетело в пропасть.

– Кажется, понимаю. Пресловутая полноценность и многогранность жизни. Которая пропала.

– Ага.

– Как твои курсы по писательству?

– Идут.

– И что там будет?

– Это и будет. И открытый финал.

– Открытый финал?

– Да... Надо же понять, что мне делать дальше, а я не знаю. Есть два пути. Первый – идти по проторенной дорожке и получать детскость за счет других людей. Второй путь – искать ее в себе и возвращать.

– Ты не думала, что есть еще и третий? Объединить оба пути.

Через неделю:

– Ты как?

– Неплохо. Но я напилась кофе на мастерской, меня штормит.

– А эмоционально?

– Вроде ничего.

– Давай я буду интересоваться твоим состоянием каждые полчаса?

– Зачем?

– Ты знаешь, система иногда бывает неустойчивой... переходный процесс, частотные характеристики... бывает, си-

стема входит в равновесие, а бывает...

Я резко перебиваю:

– Знаешь, как будет называться мой рассказ?

– Как?

– Точка бифуркации.

И я подумала, как странно все-таки: мы часто что-то говорим, что неправильно интерпретируется другими. Но как тонко мы можем друг друга почувствовать с некоторыми людьми и поймать состояние.

– Маша, я с детства был серьезен.

– Ты серьезно про серьезность?

– Абсолютно.

В моей голове все субличности, которые вроде только сейчас договорились между собой жить вместе и счастливо, резко замерли, несколько пар глаз с удивлением смотрели не то на меня, не то на человека напротив:

– Интересно. Я тоже... Тогда почему, находясь вместе, мы ведем себя порой как дети?

– Не знаю. Меня это пугает.

– И меня порой пугает. Я выхожу из равновесия. Иногда мне это нравится.

Виктория Беляева.

Мне снится море

Энн и подумать не могла, что однажды нарушит клятву и вернется в пыльный, пахнувший рыбой и солью город. Но вот она уже едет в такси, а мимо проплывают знакомые пейзажи, и у нее странное щемящее чувство в груди.

Со стороны моря едва-едва начинает разгораться рассвет. Здесь почти ничего не изменилось – да и сама она, наверное, тоже, хоть и старательно пытается казаться другим людям лучше и сильнее, чем есть на самом деле. А сейчас с каждой милей, приближающей ее к городу, она чувствует, как разрушается в ней то, чего она добивалась годами. В Ливилле не имеет значения, чего она добилась за его пределами.

Вывески магазинов выгорели и потускнели, деревья на площади стали выше, а одноэтажная застройка вдоль моря по-прежнему поражала своей роскошью. Эти дома оживали лишь в сезон, а сейчас выглядели пустыми и заброшенными, несмотря на ухоженные лужайки.

Она просит водителя затормозить за поворотом и неуклюже выходит. Через дорогу виднеется знакомый забор и кованые ворота – дом, в котором Энн выросла. Она плохо представляет, что скажет матери спустя пятнадцать лет, поэтому щелкает зажигалкой и закуривает, пытаясь собраться с мыс-

лями. «А, к черту!» – зло думает Энн, бросает окурочек на лужайку и разворачивается. До отеля «Сент-Луис» всего пара кварталов. Что ж, быстро принимать решения и быстро их менять – очень на нее похоже.

Энн проходит мимо бетонной коробки начальной школы и не останавливается, мимо дома Алисии и Кэт, своих школьных подруг, – и тоже не замедляет шаг. В предрассветное время улицы пустынные, а по земле стелется сероватый туман. Чемодан гулко подпрыгивает, когда его колеса ударяются о стыки бетонных плит. Во рту сухо, и Энн ощущает зыбкую усталость, будто в любой момент она может отключиться и провалиться в сон, или в какое-то другое небытие.

«Сент-Луис» уже много лет поражает летних туристов псевдороскошным стилем и видом на залив. На фасаде трубят ангелы и скалятся львы, а внутри в фойе журчит фонтанчик, в котором над брошенными монетами плавают карпы. Энн звонит в золотой звоночек на стойке, и спустя пару минут появляется заспанный пожилой портье, явно не ожидавший гостей в такое время.

– Доброе утро. Мне нужен номер на одного. Не первый этаж, окна во внутренний дворик. Я буду здесь около недели, может, больше. – Она кладет пять долларов на стойку.

– Здравствуйте, мисс. Я заселю вас в лучший номер на третьем этаже. Простите мое любопытство, вы ведь дочь Айлин?

– Да, Айлин моя мать. – Она выдавила из себя улыбку.

– Очень приятно, Энн. Я был просто ошеломлен, когда узнал, что новый сезон «Ребекки» будут снимать в Ливилле. Но почему вы не дома? – Он приподнимает седые кустистые брови, и, конечно же, сразу подмечает ее замешательство. – Простите, это не мое дело. Рад, что вы выбрали «Сент-Луис».

Энн чертовски не хочется говорить правду, но и на ложь сейчас тоже нет сил.

– Мне нужно много быть одной, в перерывах между работой. Нас ждут эмоционально непростые сцены... По секрету скажу, в новом сезоне Ребекка потеряет кое-кого очень дорогого ей. – Энн делает многозначительную паузу.

Что ж, по крайней мере, это красивое объяснение тому, почему она остановилась не у матери. Но не тому, почему ее здесь не было пятнадцать лет.

– О, понимаю, понимаю вас. Мы здесь большие фанаты «Ребекки», жаль, что ее играет не вы.

Энн даже не знает, что ответить на подобную наглость.

– Сейчас подойдет швейцар и проведет вас в номер.

– Спасибо.

Она с облегчением усаживается на обитый красным бархатом диванчик возле фонтана и проверяет телефон. Один пропущенный звонок от Теда и сообщение «Как добралась? Позвони. Люблю». Говорить с мужем сейчас не хочется. Энн знает, что он будет спрашивать, как она и что чувствует, и принимает ли таблетки, выписанные психотерапевтом. Сам

Тед последнее время все больше походит именно на доктора Уайта – строгого, но неизменно сочувствующего. Он всегда прав и всегда говорит правильные, уместные именно для этого случая вещи. Энн казалось, что за этим кроется едва осязаемое, но от того не менее чудовищное лицемерие, и она чувствовала себя плохой от того, что позволяла себе думать о докторе плохо, не имея на то никаких оснований.

Молоденький швейцар в красной форме с сияющими пуговицами провожает в номер на третьем этаже. Номер чистый, но воздух слегка затхлый, а простыни резко пахнут стиральным порошком. Напротив кровати висит дешевая репродукция «Подсолнухов» Ван Гога. Энн не любит художника, потому что от всех его картин сквозит безумием, а умопомешательство – это то, чего она боится больше всего.

Съемочный день начинается в шесть, через полтора часа. У нее есть время, чтобы принять душ и полежать на кровати. Стоя под прохладными струями воды, Энн думает, что все-таки зря согласилась на съемки в Ливилле. Но ведь, с другой стороны, это первое серьезное предложение за год, не считая провального мюзикла о вампирах. Могла ли она на самом деле позволить себе отказаться? Энн только недавно начала понимать, что пик карьеры может вообще и не случиться. По крайней мере, она может похвастаться десятком ролей в сериалах, один из которых довольно популярен, и несколькими работами на Бродвее. Это уже гораздо больше, чем смог добиться ее отец. Наверное, он бы ей гордился. Или нет?

Она протирает мокрые волосы полотенцем и смотрит на себя в чуть запотевшее зеркало. Глаза запали глубоко, и тени под ними синие-синие, но ничего, гримеры это скоро исправят. Энн мажет лицо кремом, привычно оглядывая в поисках несовершенств. Они все на месте: маленький шрамик под бровью, мелкие морщинки в уголках глаз, трещина посередине губы. На экране она будет красивой, но это не та красота, которая ошеломляет и сводит с ума, скорее, просто правильные пропорции и отсутствие грубых недостатков. «Красивая, но чего-то не хватает», – так о ней однажды высказался продюсер. Энн тогда ушла с кастинга поджав губы и громко хлопнув дверью, что было совсем не профессионально. «Похоже, принимать отказы вам очень больно», – так говорит доктор Уайт, который любит заполнять неловкие паузы во время сеансов признанием очевидного.

Энн падает на кровать спиной вниз и закрывает глаза. Под веками расползаются красно-бордовые пятна. Она вдруг незаметно для себя проваливается в вязкий кошмар. Один и тот же сон мучит ее уже много лет, а последние годы все чаще и чаще. Энн знает, что даже пара таблеток снотворного не может спасти от этих видений.

Вина, терзающая изнутри, оборачивается искаженными воспоминаниями, из которых нет выхода. Энн всегда понимает, что это сон, но проснуться не может – пока не умрет там. Она уже практически перестала бояться, что однажды умрет по-настоящему. Кошмар всегда начинается одинако-

во: Энн идет по городу, но вокруг никого нет. Небо начинает постепенно темнеть, и с каждой минутой тьма сильнее сгущается сверху. Энн бродит по пустынным улицам, но они неизменно выводят к морю, раз за разом. Начинается прилив, и серые волны подбираются по белому песку все ближе. Она разворачивается и хочет убежать – но за спиной тоже лишь море, и с каждой волной кусок песка, на котором она стоит, уменьшается. Бежать некуда, и Энн просто замирает на месте, пока волны не начинают задевать ноги. Вода поднимается все выше, и вот уже нечем дышать, а вокруг только серо-зеленая вода. Вверху начинает маячить свет, и Энн, отчаянно двигая руками, пытается выплыть. Когда она почти наверху, кто-то хватает ее за туловище и начинает тянуть на дно. Энн отчаянно бьет ногами, но ее попытки тщетны. Она смотрит вниз и видит мертвое лицо сестры с открытыми белыми глазами без зрачков. В легких не остается воздуха, и Энн чувствует, как вода попадает внутрь с каждым вдохом. Она перестает бороться, а Лили тянет ее все глубже. Каждый раз, когда Энн думает, что умерла, она просыпается и еще долго не может отдышаться.

Сегодня она даже будто чувствует привкус соли во рту, но потом понимает, что просто прикусила язык. Чтобы прийти в себя, Энн выкуривает пару сигарет у окна, но ужас, пришедший за ней из сна, все еще не отпускает.

Желтое такси уже подъехало к отелю... Некоторое время она ждет, что водитель выйдет и распахнет перед ней дверь,

но потом усмехается и садится сама. «Детка, а ты привыкаешь быть звездой», – так ей однажды сказал Тед, и она ужасно разозлилась на него. Энн никогда особенно не мечтала о славе – актерство было для нее, скорее, способом убежать от реальности, но и показать себя, конечно, тоже, тут стоит быть честной.

Ей было важно приехать в Ливилл одной, наверное, она боялась того, что будет чувствовать, когда вернется сюда, и потерять контроль над эмоциями. Надо признать, что контроль над эмоциями всегда давался ей хорошо, и в конце концов стал работой и главной опорой в жизни. Только что иногда Энн сложно понять, что же она ощущает на самом деле. Порой ей кажется, что у нее внутри лишь пустота.

На съемках Энн обычно легко включается в работу; но сегодня дважды забывает слова. Помощница режиссера демонстративно закатывает глаза, и Энн запоминает это, но не позволяет себе раздражение. Сказывается недосып, тут уж ничего не поделаешь, но она должна делать то, чего от нее ждут следующие десять часов, и предельно сконцентрироваться. Энн изо всех сил пытается скрыть, насколько сильно ей не по себе на побережье. Сегодня они снимают сцены на пляже, и холодное серое море будто подступает со всех сторон, постепенно приближается, стелясь по песку пенистыми волнами.

Когда два месяца назад она узнала, где будут проходить семь съемочных дней вне студии, внутри все сжалось. Пят-

надцать лет назад, перед вылетом к отцу в Сакраменто, она поклялась себе, что больше не вернется в Ливилл. Они ехали в аэропорт с матерью в полном молчании, и лишь в последний момент та сжала ее плечи, и сказала: «Ну, с богом». Это было последнее, что Энн услышала от нее.

А теперь Энн вернулась, пусть и не совсем по своей воле, но все же это именно она приняла такое решение. И она уже знает, что сегодня вечером зайдет к матери, как бы ни было страшно снова заглянуть ей в глаза.

Энн будто раздваивается: одна ее часть играет уверенную женщину, судебного эксперта, которая рассуждает о трупных изменениях на теле жертв серийного убийцы, а вторая думает о том, многое ли изменилось в родном доме. «Должно быть, в комнате Лили все по-прежнему. Не сомневаюсь, что мать устроила там гребанный музей». – Энн деловито накрывает белым полотном тело на песке. Раздается хлопок нумератора, и сцена окончена. Энн уходит на первый перерыв за шесть часов. Ей приносят остывший кофе и слегка резиновый сэндвич с индейкой.

К полудню туман почти исчезает, и она замечает очертания длинной косы далеко-далеко на западе. Плечи произвольно сводит судорогой, Энн замирает на несколько секунд, и стакан кофе летит вниз. «Я не должна была сюда возвращаться. На этот раз я умру здесь». – И как только в голове появляется эта мысль, становится спокойнее. Она всю жизнь пыталась убежать от того, что произошло здесь летом перед

выпускным классом, но теперь можно было остановиться. Энн удивляется, как ей все эти годы удавалось жить с тем, что сестра умерла из-за нее.

В тот день она должна была забрать Лили из балетной студии, потому что мать тогда лежала в больнице после операции. Несколько месяцев назад на осмотре доктор нащупал уплотнение у нее на левой груди, и оказалось, что это злокачественная опухоль, которая только-только начала расти. «Боже, нам так повезло, что мы вовремя узнали о болезни!» – едва ли не каждый день причитал Колин, отчим Энн и отец Лили, держа мать за руку во время ужина.

Энн была рада, что у матери хороший прогноз, но почему-то чувствовала себя особенно чужой на этих ежедневных ужинах с молитвой перед едой. Когда они жили вместе с папой, не было нужды в подобных ритуалах – они просто сажались за стол и болтали, папа рассказывал про забавные случаи на кастингах и в театре и подливал вино хохочущей матери. Ей, шестилетке, которая не замечала кипы счетов на столике у телефона, и то, что ей покупают только ношенную одежду из благотворительного магазина, казалось, что все хорошо. А еще папа иногда не ночевал дома. Но Энн не видела в этом особой проблемы – ему часто нужно было работать допоздна. «Детка, твой отец – просто гребанный алкоголик. Театр ночью не работает», – горько ухмылялась мать, сидя у телевизора. Она никогда не ложилась спать, пока папа не возвращался. Но однажды его не было дома три дня, и мать

собрала вещи, посадила Энн в старенький пикап и увезла на ферму своих родителей в Орегон. «Всего лишь на пару дней, дорогая, навещить бабушку и дедушку». – И Энн поверила, с улыбкой на лице складывала игрушки в потертый розовый чемоданчик. То, что домой они не вернуться, девочка поняла лишь спустя пару недель, когда случайно увидела бумаги о разводе, подписанные папой, которые пришли по почте.

Больнее всего было то, что ее обманывали, а еще то, что папа так легко согласился оставить ее. Он звонил Энн пару раз в году и присылал открытки, и лишь один раз отправил двадцать долларов на день рождения. Он будто специально хотел отдалиться как можно скорее. Энн спустя годы поняла, что в каком-то смысле развод был для него облегчением и позволением вести ту жизнь, по которой он скучал с момента появления семьи.

По воскресеньям они с мамой стали ходить в церковь. Энн ненавидела надевать тесные лаковые туфли и колючее платье, а потом сидеть несколько часов неподвижно, но поход в церковь стал одним из новых правил. По сути, вся жизнь после переезда состояла из новых правил, которые ей были не по душе. После первой рождественской службы мать познакомилась с помощником приходского священника, Колином Гилбертом. Тогда Энн и представить не могла, что тощий мужчина с чуть выпученными голубыми глазами, в тесном воротничке и с перхотью на плечах, через полгода станет ее отчимом. «Как, как она может быть с ним?» – Энн передер-

гивало каждый раз, когда она видела, как мать целует его. Через год они переехали снова, ради новой работы Колина. Он наконец стал пастором и даже немного набрал вес после повышения. Лили родилась уже здесь, в Ливилле.

В тот день Энн не приехала за сестрой в семью, как обещала. Энн просто забыла о Лили, забыла из-за парня, который ей нравился уже два года. Они вдруг разговорились с Саймоном после урока физкультуры, и он предложил поехать на вечеринку к одному из друзей. Тогда она думала лишь о своей влюбленности, о том, что, возможно, они наконец начнут встречаться после этого вечера. Ей просто хотелось, чтобы кто-то ее любил.

Они ехали вдоль моря, и Энн чувствовала себя самой счастливой в мире, сидя в его красном форде, а ветер из открытых окон поднимал волосы вверх. Саймон включил радио, и они подпевали вместе глупым попсовым песням. Энн виделся особый блеск в его карих глазах, когда он смотрел на нее. Она даже не переживала, хорошо ли выглядит сегодня, потому что была уверена, что это совершенно особый вечер, самый важный в ее жизни. Так и вышло.

Энн пила пиво и танцевала, а потом купалась в бассейне в нижнем белье, и тогда это казалось очень смелым и крутым. Саймон держал руку на ее талии и жарко дышал в ухо, рассказывая что-то о футбольной команде. Честно говоря, Энн было все равно, о чем говорить, лишь бы просто находиться с ним рядом так близко.

О сестре она вспомнила, только когда увидела побелевшее лицо отчима посреди вечеринки. На секунду показалось, что она потеряет сознание.

– Где Лили? – Энн отчетливо слышала презрение и отвращение в его голосе, и вместе с тем страх.

– Я... Я не знаю... – Внутренности завязались узлом, и, наверное, именно в тот момент она поняла, что случилось что-то ужасное.

Колин просто посмотрел ей в глаза, развернулся и пошел к машине, уверенный, что она последует за ним.

– Извини, мне пора. – Энн сбросила руку Саймона с плеч и поплелась за отчимом. Ей было плевать на гадкие ухмылки одноклассников и смех вслед, это вдруг потеряло всякую важность.

– Лили пропала. – Колин уронил голову на руки, скрещенные на руле. – Как ты могла забыть? Как ты могла?

У Энн не нашлось ответа на этот вопрос. Она больше не чувствовала приятного опьянения, лишь кислый привкус и тошноту. Ее несколько раз вырвало в участке, когда Колин писал заявление о пропаже. «Нам повезло, что поиски начнутся сегодня». – Но Энн почему-то не ощущала ни малейшего проблеска надежды.

Первым делом они объехали всех школьных знакомых Лили, но встревоженные родители одноклассников лишь разводили руками. Потом начались поиски на побережье, но и там ее не нашли. В тот день в глазах Колина было что-

то настолько страшное, что Энн все думала: он ударит ее. Но отчим лишь один раз до боли сжал ее руку чуть повыше локтя: «Маме пока ни слова, поняла?» Она молча кивнула и пошла вперед, шаря перед собой лучом фонарика по песку. Колин беспрестанно читал молитвы вполголоса, и Энн чувствовала, что сходит с ума от его мерного, едва слышного шепота. «Бог накажет меня за это, – промелькнула мысль. – Да, если он есть, то он накажет меня».

Тело Лили нашли через три дня, в пятидесяти милях западнее по побережью, возле парка аттракционов. Энн на всю жизнь запомнила те ужасные часы ожидания, когда Колин уехал на опознание. В каком-то смысле неизвестность и предчувствие непоправимого оказались гораздо больше, чем те дни, когда она уже знала о смерти сестры.

«Вероятно, это несчастный случай», – так сказали полицейские. В отличие от родителей, Энн почему-то не сомневалась в этой версии. Она ясно видела, как заплаканная сестра оступается и падает с пирса в темную воду, как она кричит о помощи и пытается удержаться на поверхности, но ничего не выходит, потому что Лили так и не научилась плавать, и последнее, что она видит, – это огни на колесе обозрения далеко впереди.

В какой-то момент Энн как будто перестала чувствовать что-либо. Она отрешенно наблюдала изнутри за происходящим: как страшно закричала мать, когда Колин сказал, что Лили больше нет, и как она, рыдая, осела в его руках. Энн

отдала бы все, что угодно, лишь бы не слышать эти судорожные всхлипывания, словно мама вот-вот задохнется.

Энн просидела в своей комнате почти все время до похорон. На столике в ванной появился ксанакс, она принимала несколько таблеток с утра, чтобы потом лежать в кровати где-то между сном и явью. Она знала, что не заслужила так просто забыться и избежать боли, но ничего с собой поделывать не могла. «Ты такая эгоистка, даже в эти дни», – шептал голос, похожий на мамин. У Энн почему-то не возникало мысли выпить чуть больше таблеток и все закончить – наверное, потому, что она была уверена, что бог и так накажет ее и нет смысла делать это самой.

В день похорон, после церемонии, к ней подошла мать.

– Мы с Колином решили, что тебе лучше будет поехать к папе на пару месяцев.

– Она сказала это, даже не взглянув в глаза, будто ей невыносимо находиться рядом.

– А папа в курсе? – Энн смогла удивиться даже через серую пелену апатии от таблеток.

За последние дни они едва перебросились парой слов.

– Да, он ждет тебя. Будет хорошо, если ты начнешь собирать вещи. В пятницу у тебя самолет до Сакраменто. – Энн поразило, какой ровный и спокойный голос у матери и как легко и быстро та нашла решение, как от нее избавиться.

Отец в аэропорту так и не встретил, и Энн пришлось ехать на автобусе по адресу, написанному на открытке. Здесь, в

городе, улиц которого она уже не узнавала, стало будто чуть легче дышать, а воздух казался свежее и прозрачнее. «Нравится, что удалось сбежать?», – вот что спросил бы у нее Колин, если бы мог.

Она просидела четыре часа на крыльце, выкуривая одну сигарету за другой, пока отец не приехал, чуть навеселе, пахнувший сигарами и сладковатыми духами.

– Черт, Энн! Я думал, ты прилетаешь завтра! – Он неловко обнял дочь и похлопал по спине. – Простишь меня?

Энн смотрела на его красноватое лицо со следами былой красоты и не могла поверить, что отец так сильно постарел за те годы, что она его не видела.

– Конечно, папа. Все хорошо. – К горлу подступили слезы, и она крепко зажмурилась, стараясь подавить плач.

– Ну, детка, что такое? Это из-за сестры? Давай-ка присядем. – Отец приобнял ее, и они сели на верхнюю ступеньку крыльца.

Энн уперлась лбом ему в плечо, а слезы все лились и лились.

– Это я ее убила, понимаешь? Она... Она умерла из-за меня. – Энн будто вытащила нож, который был у нее в груди последние дни, когда сказала вслух то, что повторяла мысленно снова и снова, и ей казалось, что она не вынесет этого осознания и признания вины.

– Ну уж нет, прекрати. Это был несчастный случай, вот и все, поняла? Она была дочерью Колина и Айлин, а не твоей,

так ведь? – Энн кивнула, но не поверила в то, что ее вины тут нет.

Лили бы не умерла, если бы она забрала ее вовремя, тут не поспоришь, и с этим придется жить, если она, конечно, сможет.

Отец посоветовал записаться в театральную студию, и хоть сначала Энн посчитала это безумной затеей, занятия затянули. Забавно, что теперь родители будто поменялись местами, и уже мать присылала открытки несколько раз в год, а Энн даже не знала, что ответить. Пару раз она звонила Саймону, но он общался так, будто они незнакомы, и ее это даже не очень задело – потому что другого она и не ждала.

Школу Энн окончила плохо, и поступление в колледж даже не рассматривалось, поэтому она поехала в Лос-Анджелес, пытаться устроить актерскую карьеру, как когда-то отец.

Вернуться в Ливилл снова, после всего, что здесь случилось, было невыносимо. Она чувствовала: что-то важное осталось так и не сказанным между ней и мамой. Энн боялась, что разговор с матерью уничтожит ее, уничтожит то, что она строила внутри себя эти годы. «Я все еще хочу, чтобы она меня простила», – поняла Энн, и ей стало стыдно от этого.

Она возвращается к съемкам, и они заканчивают работу уже затемно.

Для вечернего визита слишком поздно, но Энн не хочет откладывать встречу еще на один день. И разве дом матери

не то место, куда можешь вернуться когда угодно? Энн горько усмехается и пытается унять дрожь. Выдержит ли она еще раз увидеть холод и разочарование в глазах матери? Но разве худшее не далеко позади? Почему она все еще ясно помнит то лето? Помнит в мельчайших подробностях, которые осколками режут изнутри.

Энн подходит к идеальному газону и гортензиям в белых клумбах, проходит боком через приоткрытую створку ворот. Интересно, может, мать ждала ее? Она идет по короткой подъездной дорожке, усыпанной гравием, и страх почему-то отступает. В широком окне гостиной горит желтоватый свет торшера и виднеется мигающий экран телевизора. Не верится, что она увидит мать.

Энн медлит пару секунд и потом негромко стучит по двери с цветным витражным стеклом посередине. Ничего не происходит, и Энн думает, что она все еще может незаметно уйти. Она стучит снова и ищет глазами кнопку звонка, но не находит. Где-то далеко внутри дома раздается звук, как будто что-то разбилось, а потом Энн слышит приближающиеся шаги. Мать распахивает дверь, и у Энн едва ли не подгибаются ноги, но она стоит на месте и не решается ничего сказать.

– Энни! – Мать порывисто обнимает ее, и она чувствует у себя на плече слезы.

– Я думала, ты больше никогда не приедешь ко мне.

– Я приехала, мам. – Энн неловко гладит мать по каш-

тановым с проседью волосам, уложенным высоко, как было модно лет двадцать назад, но у нее нет слез, только пустота внутри и слабость. Энн боится, что может упасть. – Можно я зайду? Мне нужно сесть.

– Да, конечно, конечно. Извини. Ты такая бледная, все хорошо? – Мать отходит и утирает слезы цветастым фартуком.

– Просто я мало ела сегодня. Голова немного кружится. – Энн озирается по сторонам, и дом кажется куда меньше, чем раньше. Потолок с массивной хрустальной люстрой давит сверху, а на всей мягкой мебели чехлы – как будто тут никто не живет. Они идут на кухню, и Энн садится на тот стул, где обычно сидела раньше, напротив окна.

– Ох, я сейчас разогрею тебе утку. Конечно, ты голодная. – Энн упирается лбом в сложенные руки и прикрывает глаза.

Она сотни раз прокручивала в голове их возможный разговор, но в реальности все происходило совсем не так, как она себе представляла. И мать была какой-то другой, похожей и непохожей на себя одновременно. Она постарела и стала чуть ниже ростом из-за согнутых плеч, но что-то в ее лице неуловимо изменилось до неузнаваемости, будто перед Энн теперь совсем другой человек. Мать казалась уязвимой, и это пугало. Она ставит перед дочерью тарелку с ароматным куском грудинки и тушеными овощами – Энн помнит этот сервиз с золотыми узорами, который они доставали на праздники.

– Надеюсь, мясо не суховатое. – Энн замечает, что матери

тоже не по себе и ее руки чуть дрожат.

– Спасибо, мам. Я хотела зайти еще утром, но уже опаздывала на съемки.

– Я видела тебя в окно. – Энн становится ужасно стыдно.

– Прости...

– Ничего, детка. Все хорошо. Я думала, ты больше никогда не вернешься ко мне. – По лицу матери снова катятся слезы, она смотрит вверх и часто-часто моргает, пытаюсь остановить их.

– А... А ты разве приглашала меня обратно? – Энн не выдерживает, и слова, которые она не хотела произносить, рвутся наружу. Мать замирает, будто ее ударили, и на ее щеках появляются красные пятна.

– Энни, я знаю, что ты вправе винить меня...

Энн перебивает:

– Нет, это ты вправе винить меня, я убила Лили, я убила ее, мам. – Энн прячет лицо в ладонях и чувствует, как перехватывает горло от плача. Мать подходит и обнимает за плечи, и Энн упирается лбом ей в грудь.

– Не говори так! Ты не виновата! Я никогда по-настоящему не винила тебя, и Колин тоже.

– По-настоящему? – Энн замирает от этих слов.

– Я... Я тогда три месяца пролежала в клинике, после похорон... Отправить тебя к отцу казалось единственным выходом. А потом... Потом ты перестала отвечать нам с Колином, и я подумала, может, так лучше, может, ты хотела от-

делиться от нас? – Мать говорит сбивчиво, отрывисто, как будто думает, что сказать. – Не знаю, могу ли я тебя просить простить меня.

– А что ты сделала, чтобы увидеть меня? Что ты сделала, когда мне было плохо, когда ты была нужна мне? Вы с Колином не сказали мне ни слова! Вы вели себя так, будто я прокаженная! – Энн отталкивает руки матери и встает. Горячие слезы заливают лицо и затекают за ворот футболки, и Энн вытирает лицо.

– Я не жду, что ты поймешь меня.

– Ладно, ладно. Я все поняла, мам. – Энн выставляет ладони перед собой. – Давай лучше оставим этот разговор.

– Энни, прости меня. Я не справлялась тогда, правда. И... Я была слабой, потеряла сначала твою сестру, а потом и тебя. Я плохая мать и надеюсь, ты сможешь простить меня. Может, когда у тебя будут дети...

– У меня не будет детей, я давно так решила. – Энн почти наслаждается тем впечатлением, что произвели на мать эти слова.

– Ох... Если ты это из-за меня...

– Просто не хочу приводить их в наш дерьмовый мир. Не хочу, чтобы они страдали.

– Энн, я бы хотела... Я бы хотела общаться с тобой. Хотя бы иногда, если ты захочешь. – Мать смотрит на дочь пронзительными серыми глазами в сеточке мелких морщин, и Энн чувствует, как слезы снова подступают к горлу.

– Да, мам. Я бы тоже хотела. – Она обнимает мать снова.

Энн лежит в своей старой комнате с выгоревшими розовыми обоями, свернувшись в клубок, и смотрит в окно: там виднеется море, которое мучило в кошмарах много лет. Сегодня ей последний раз приснится сон о Лили – а потом она наконец будет жить дальше.

Катерина Антипина.

Предродовая депрессия

Первые схватки начались рано, где-то в шесть утра. Ощущая их пока довольно слабо, я решила еще немного поспать. Всю беременность я задавалась вопросом, как определить, что начались именно предродовые схватки, а не ложные. Ведь как бы красочно ни описывали свои ощущения другие женщины, непонятно, что будешь чувствовать именно ты. Трудно представить конкретную физическую боль, если до этого у тебя самой не было подобного опыта. Но в тот момент я даже не сомневалась: точно начинались роды. Было летнее буднее утро, сонный Питер не спеша наполнялся пробками, и хотя ехать в роддом предстояло через весь город, мы с мужем совсем не торопились. Чувство предвкушения чего-то нового перевешивало все страхи.

Помню, месяце на пятом я ехала куда-то одна, повернула на перекрестке налево и случайно проехала чуть дальше, чем нужно. На меня неслась справа другая машина. По всем правилам ее стоило бы пропустить, но я уже выехала на перекресток. Нужно было быстро решать, проскочить поскорее вперед или, наоборот, сдать назад. Мой беременный мозг полностью отключился, не было ни одной мысли, ничего. Как будто в голове нажали кнопку «выкл». И только через пару

секунд я снова включилась, до меня дошло, что может произойти, я резко нажала на газ и помчалась вперед. Конечно, я слышала, что у беременных такое происходит, часто забываются даже элементарные слова. Но когда это создает опасную для меня самой и для ребенка ситуацию, добавляется еще больше сомнений, а хорошей ли мамой я вообще буду? Тем более когда и так процветает депрессия. Предродовая. Мне кажется, у меня она началась с самого первого дня, когда я узнала, что беременна. Мы с мужем планировали иметь детей, но когда-нибудь в будущем, намного позже. В тот период жизни я была совсем не готова к ребенку.

Только недавно я узнала, что такая депрессия встречается даже чаще, чем послеродовая. Но о ней не слишком много говорят. Может, беременная по умолчанию должна излучать радость и парящей походкой гулять каждый день по несколько часов для здоровья будущего малыша? Что делать, если совсем нет энергии, а внутри одна пустота? Я сравнивала себя с другими беременными и задавалась вопросом: «Почему я не так счастлива, как они?» Мне советовали думать о тех женщинах, которые хотят иметь детей, но не могут забеременеть. От этих мыслей становилось только хуже, ведь я действительно должна была благодарить судьбу, но отсутствие любых эмоций по отношению к ребенку рождало чувство вины.

Все девять месяцев ожидания я часто пересекалась с другими беременными в женской консультации. Бесконечные

анализы, обследования, осмотры, взвешивания сильно раздражали. А если встречала там какую-нибудь особо окрыленную от счастья девушку с животом, которой не терпелось поговорить со всеми в очереди на тему детей, то желание ходить в поликлинику отпадало совсем. В принципе все эти месяцы ходить куда-то мне не хотелось вообще. Но даже лежать на кровати было не так просто: примерно со второго триместра беременным нельзя спать на спине. И до родов остается только перекашиваться с бока на бок и мечтать о том, чтобы вдоволь налечь на спине или животе. Это может показаться незначительным, но такими вот мелкими «нельзя» постепенно ограничиваются все привычные действия. И, как следствие, появляются мысли: если сейчас так плохо, неудобно и нерадостно, то как же будет после рождения ребенка?

Когда мы приехали в роддом, у меня почти сразу начались по-настоящему болезненные схватки. Каждые три минуты низ живота сжимало изнутри настолько сильно, что именно тогда я поняла буквально, что значит «лезть на стену»: именно ее я царапала ногтями, когда могла только выть. Мне было очень стыдно, что я так сильно кричу, но я не могла по-другому. Крик помогал проживать очередную волну боли.

В какой-то момент я услышала пролетающую мимоходом фразу из диалога врача и медсестры: «Как вот раньше женщины в поле спокойно рожали? Она бы точно не смогла». От этого стало обидно. Как будто они взяли и обесценили

все мои страдания. А я ведь и не собиралась соревноваться в выносливости с женщинами из прошлого.

Стрелка на часах показывала час дня. Прошло вроде не так много времени, а сил не было совсем. Казалось, что я смогу стерпеть любую боль, если прямо сейчас мне точно скажут, когда я наконец-то рожу. А от неопределенности хотелось рыдать. Хотя, если бы тогда мне сказали, что впереди еще девять часов мучений, не знаю, как бы я это пережила. Все-таки с каждой схваткой была надежда, что вот сейчас осталось совсем чуть-чуть потерпеть – и все закончится.

В роддоме мне не разрешали ни есть, ни пить. А хотелось очень сильно. Впрочем, как и во время беременности, находились люди, которые отчаянно желали проконтролировать мое питание. Фразы типа «тебе же нельзя кофе» или «эта еда вредна для ребенка», думаю, слышали многие беременные. Причем перечень запрещенного у каждого такого советчика всегда разный. Уже позже, правда, я узнала, что на самом деле можно все: и есть, и пить, и рожать в любой удобной позе, если все идет хорошо. Но, видимо, врачам удобнее всем все запретить, особенно если идет поток пациенток и нет возможности уделить внимание каждой.

Во время второй беременности (да, я каким-то образом решила пройти через это снова) я уже не совершала подобных ошибок и подошла к вопросу родов более осознанно: заранее выбрала людей, которые будут помогать, и продумала с ними полностью план родов. Но в тот, первый раз

мне не хотелось ни ходить на курсы для беременных, ни думать вообще о своем состоянии. Я как будто боялась понять и признать, что действительно жду ребенка. Однако от этого нельзя отгородиться, невозможно быть «вне беременности», когда ты уже в положении. Наверное, так проявлялся мой страх ответственности и неизвестности перед будущим.

Беременность была в прямом смысле токсична по отношению ко мне: первые месяцы токсикоз не прекращался. Постоянно преследовала тошнота. Утром, днем, вечером, ночью. Говорят, это необходимо, чтобы организм очистился от всего вредного для ребенка. У меня было стойкое ощущение, что ребенок считает вредной саму меня.

Это походило на состояние, будто я чем-то отравилась, только длилось все не один—два дня, а пару месяцев. Как-то раз меня вырвало прямо на эскалаторе в метро. Могу только догадываться, что обо мне подумали окружающие – живот тогда еще не был заметен.

Часто слышу, что беременных тянет съесть что-то необычное. Меня тянуло обратиться к психологу. Я сходила на одну консультацию, где посоветовали просто ждать родов: природой устроено так, что благодаря кормлению грудью формируется привязанность матери к малышу. Я совсем не была уверена, что, родив, почувствую эту любовь. Откуда ей взяться, если и в беременном состоянии я ее не ощущала? Умом я понимала, что внутри меня растет живой человек. Можно не только увидеть его на УЗИ, но и почувство-

вать каждое шевеление и толчки ножек. Но это не вызывало никаких эмоций, один лишь страх, что жизнь полностью поменяется, что все мое время теперь будет посвящено только ребенку. А вдруг я не смогу его полюбить?

Однажды я даже сходила с подругой к гадалке. Как бы смешно и наивно это ни звучало, встреча с предсказательницей немного помогла. Конечно, она просто озвучила то, что я сама хотела услышать, чтобы хоть как-то притупить страх. Тем не менее пол ребенка она угадала еще до всех обследований. Именно тогда мне первый раз сказали, что будет дочка. Отсюда вытекало еще больше новых вопросов к себе. Как воспитать девочку, если я со своей жизнью разобраться не могу? Какой пример я покажу и чему смогу научить?

Желание обратиться к кому-нибудь за помощью возникало от переизбытка страхов и непонимания, почему я не испытываю счастливых эмоций, как все. В то же время я осознавала, что внутри меня ребенок чувствует мое состояние и, наверное, тоже не сильно радуется. И вдобавок, что еще хуже, не ощущает себя любимым. От этого чувство вины накрывало сильнее.

«Тебе сейчас все завидуют», – сказала женщина на маникюре, когда я была уже с большим животом. Сомнительное утверждение, конечно. В фильме «Дьявол носит Prada» есть несколько сцен, где главной героине разные люди говорят насчет ее работы: *A million girls would kill for this job*⁴. Но мы-

⁴ Миллионы девушек убили бы за эту работу.

то видим, *что* на самом деле может скрываться за картинкой успеха. Так и с беременностью. Многие женщины действительно мечтают о ней, но не всегда это приносит столько радости, как может показаться со стороны. Я даже не говорю про все неприятные физиологические моменты беременности, родов и послеродового периода. Мне было сложно просто принять тот факт, что мое тело, пусть и временно, но принадлежит не мне, а человеку внутри меня. А то, что будет столько боли при родах, я, если честно, даже и не представляла.

Уже после рождения ребенка я как-то пришла в спортзал на популярную силовую тренировку. Инструктор, как обычно, опрашивал всех новеньких, были ли у кого-то травмы за последнее время. Я ответила, что у меня были роды. Все так снисходительно посмеялись. Мол, ну что ты, это ж такая ерунда, не то, что вывих, например. Но разве роды – это не травма?

Спустя еще девять мучительных часов ребенок был готов появиться на свет. Рождение – это, безусловно, стресс и для него тоже, не только для мамы. Малыш спокойно растет в своем теплом коконе, наслаждается жизнью и слушает только издалека, что происходит снаружи. И, возможно, не сильно-то стремится во внешний мир. Весь этот многочасовой процесс для него тоже испытание. Конечно, я не думала об этом непосредственно во время родов, но в последние минуты, в сам момент рождения вся боль как будто отошла на

второй план. Я продолжала ее чувствовать даже острее, чем в течение всех этих нескончаемых часов, но произошло переключение на дочку, на то, как ей помочь родиться. Тогда мне стало легче собраться с силами и прожить вместе последние схватки. Когда я вспоминаю об этом, вся физическая боль, конечно, приглушается. Остается только радость и облегчение, что все закончилось.

Девочка. Моя дочка. Ее сразу положили мне на грудь, дали почувствовать первое прикосновение и привыкнуть к новому непонятному миру. Для меня этот мир в ту же секунду стал новым, но уже чуть-чуть более понятным. Пропали все страхи, копившиеся месяцами. Я поняла, что справлюсь со всем, что ожидает нас обеих впереди. Как в любых отношениях родителей с детьми, будет и злость, и обида, но также всегда будет и любовь.

В тот день я стала мамой. У меня так и не появилось ответа, откуда она берется, эта безусловная любовь к своему ребенку. Моя дочка родилась, и все вопросы просто сами исчезли. Наверное, с точки зрения природы и анатомии все это легко можно объяснить действием гормонов. Они, вероятно, влияют и на появление материнского инстинкта. Говорят же, что у мужчин любовь и привязанность к своему ребенку зарождаются далеко не сразу, а только со временем. Я их понимаю, мне понадобилось на это девять непростых месяцев.

Моя предродовая депрессия закончилась на этапе родов, что в целом логично следует из ее названия. Конечно, как

и любая травма, оставляющая шрам, она оставляет свои последствия. Но моя дочка одновременно оказалась как причиной появления травмы, так и способом ее исцеления.

Александра Фокеева. Как я слышала свой голос

– Считайте это просто вашей особенностью, – позитивно сказала Надежда Петровна.

– Это непросто, – произнесла Женя, выпрямившись в медицинском кресле.

– Нечасто такой голос услышишь.

– Возможно...

Надежда Петровна зашуршала бумажками.

– Следующий прием через пару дней, продолжим промывать миндалины.

– А сколько еще осталось?

– Пару раз, и мы вычистим их полностью, – с энтузиазмом ответила Надежда Петровна и протянула белый квадратный листик. – Держите ваш рецепт.

– Спасибо, – сказала Женя уже в дверях.

Она вышла из кабинета и чуть не подскочила, испугавшись внезапного голоса.

– Вот тут подпишите, – проговорила девушка на ресепшне, указав ручкой на поле в документах.

– Да, – Женя подписала, рассеянно вчитываясь в текст на листе.

– С вас две тысячи сто, – отчеканила девушка и протянула

терминал.

Женя достала карту из сумочки, приложила к терминалу и обернулась. С кожаного дивана рядом поднялся парень. Он был высоким, с сутулыми плечами.

– Зря я сменила работу в такое время, – сказала ему Женя.

– Да, без ДМС печально лечиться. А когда тебе его выдадут? – буднично произнес он.

– После испытательного срока.

– Три месяца быстро пролетят. Не услышишь, как пронесется время...

– Ты хотел сказать «не увидишь»?

– Ну да...

Они вышли на улицу и двинулись вдоль широкого проспекта. Мимо с грохотом проносились машины. Женя перекивала шум.

– Я спросила у врачихи, можно ли восстановить связку. Ну, чтобы она зашевелилась.

– Складку? Ты хотела сказать «складку»?

– Да, отложи свое медицинское занудство и побудь мне просто другом.

– Это будет сложно. Восемь лет из жизни не выкинешь.

– А ты попробуй, Костя.

– Ну давай, жги!

– Она сказала, что если десять лет связка не двигалась, то запустить ее уже не получится.

– А значит, у тебя всегда будет такой голос?

– Да. Сказала, что надо относиться к этому как к моей особенности.

Костя поморщился.

– Что? Как к чему относиться?

– Как к особенности! – хрипло крикнула Женя и взялась правой рукой за горло, задумчиво погладив кожу на шее.

– Мне кажется, ты драматизируешь.

– Правда? А тебя не смущает, что мне уже больно пере-крикивать шум этой улицы?

– Мы почти пришли! Сейчас будет тихо, – сказал Костя, схватившись за ручку паба.

Женя зашла за другом внутрь и осмотрелась. Это был маленький паб. Слева у барной стойки толпились люди, указывая на краны с пивом, справа стояли деревянные столы со стульями. Их было намного меньше, чем людей вокруг них.

– Какое-то не такое тихое, как я себе представляла.

– Где-то тут мои коллеги, они полчаса назад написали, что заказали выпивку, – бубнил Костя, вращая головой и не слушая Женю. Внезапно он кого-то заметил и замахал рукой.

– Мне кажется, это была плохая идея идти вместе с тобой.

– Брось ты! Они отличные ребята! – громко говорил Костя, пока они пробирались сквозь толпу людей к нужному столику.

Женя и Костя подошли к небольшому столу прямо у сцены, где музыканты готовили инструменты к выступлению.

– Привет! – сказал лысый парень и расплылся в улыбке.

– Привет! Я Женя.

– Володя, – представился лысый и протянул руку. Женя с энтузиазмом пожала ее.

– А мы – Игорь и Наташа, – бойко протараторила девушка, которая сидела за столом и ела картошку фри. Задумчивый парень рядом с ней кивнул.

– Очень приятно! – ответила Женя. – А где наш официант?

– Пиво заказываешь за столиком. А вот если хочешь поесть, то надо на баре заказывать, – ответила Наташа.

– Ясно-понятно, – сухо ответила Женя и пошла к бару.

Она встала в очередь, по привычке отсчитала, что пятая, и вздохнула. Новые люди всегда заставляли нервничать.

В баре было шумно. Вокруг Жени становилось все больше людей. Все они стояли с бокалами пива и что-то друг другу шептали, кричали, говорили.

В тот момент, когда Женя почти выучила меню, группа заиграла лирическую песню. Солист напевал: «Пожалуйста, не сторай, ведь кто-то же должен гореть, за углом начинается рай, нужно только чуть-чуть потерпеть...»

– Оригиналу все же получше звучит, – задумчиво произнесла Женя.

– Что? – раздраженно спросила девушка с синими волосами на кассе.

– Бургер «Гадкий койот», пожалуйста.

– Какой? – девушка повернула голову ухом к Жене, чтобы

лучше ее слышать.

– «Гадкий койот», – как можно громче сказала Женя.

– «Вам повезет»?

– Нет, «гадкий кайот».

– Какой? Я вас не слышу! Говорите громче!

– Ок, давайте этот, – Женя кивнула и достала карточку.

Она дождалась бургер и вернулась к столу. Наташа танцевала прямо напротив солиста. Женя двигалась очень плавно, гораздо медленней, чем предполагал ритм песни. Парни сидели за столом и весело чокались пивом.

Женя плюхнулась рядом с ними на стул. Поставила бургер с картошкой перед собой и вздохнула. Она уже успела заметить, что бургер – рыбный. А рыбу она не любила.

Володя, как только Женя села, перестал смеяться. Посерьезнел. Он пододвинулся к ней поближе и спросил:

– О, картошечка! Можно?

Женя пожала плечами и подвинула поднос в его сторону. Володя с жадностью сразу схватил пару картофельных палочек и запихнул в рот. Смачно прожевав, он с интересом посмотрел на девушку напротив.

– Жень, а можно личный вопрос?

– Ну, наверное... – ответила Женя, а сама неуверенно взглянула на Костю. Но друг даже не смотрел в их сторону. Он что-то активно доказывал Игорю.

– Это личный вопрос.

– Хорошо.

– Можно?

– Ну, давай, чего уж...

– А что у тебя с голосом?

– А что? – разочарованно выдохнула Женя.

– Ты куришь, да?

– Нет. И никогда не пробовала.

– А почему он такой...

– Какой? Хриплый?

– Ну типа...

– Какой есть, – тихо ответила Женя, пожав плечами. Она взяла бургер, откусила краешек без рыбы и стала активно жевать.

– Просто необычно. Я думал, может, болезнь какая.

– М-м-м, – промычала Женя в бургер, и задумалась о бестактности людей, – нет, не болезнь.

– Почему же? Ты ведь говорила, что это идиопатический парез правой связки, – вмешался в беседу Костя.

– Звучит как диагноз, – поддакнул Володя.

Женя закатила глаза.

– Я слышал для горла хорошо помогает маточное молочко, – включился в разговор Игорь.

– А от советов ничего не помогает, – грустно пробубнила под нос Женя и посмотрела на часы в телефоне.

* * *

– Добрый день! Я Евгения, новый руководитель проектов. Буду с вами работать, – бойко представилась Женя заказчику, поправляя рукав белой блузки.

– А что с голосом? В караоке вчера пели всю ночь? – насмешливо спросил мужчина напротив.

– Если бы. Введете меня в курс дела?

– Конечно, но чуть позже. Назначьте встречу, – деловым голосом ответил мужчина. – И все же, что вы делали, чтобы ваш голос стал таким?

«Отвечала на подобные вопросы», – подумала Женя. Но вслух сказала нейтральное:

– Ничего. Такой от природы.

– Удивительно! Такой проникновенный у вас голос, Евгения. Прямо хочется с вами больше и больше работать...

* * *

Это был первый день на новой работе. Женя сидела в кресле и печатала сообщения Косте.

«Как же я устала отвечать на вопросы про голос».

«Не обращай внимания».

«Сложно».

«А кому сейчас легко».

«Спасибо, утешил!»

«Подумай об инвалидах. На них все смотрят и видят дефект. А с тобой еще поговорить надо, чтобы понять».

«Отлегло прям!»

Женя встала, натянула трусы, одернула синюю юбку и нажала на кнопку слива.

* * *

– Привет! – сказала Женя, когда зашла в небольшое помещение с розовыми стенами. На одной из них висело гигантское зеркало. На полу лежали розовые коврики.

Две девушки уже разминались, повторяя за тренером – высокой брюнеткой в черных лосинах и черном кроп-топе.

– Привет! Ты первый раз на растяжке?

– Нет, – ответила Женя и встала на ближайший коврик.

– А у меня занималась?

– Тоже нет. – Она улыбнулась.

Тренер подошла ближе.

– Травмы какие-то есть?

– Нет.

– Хорошо. Первый раз занимайся не в полную силу. У нас нет цели травмировать тебя.

– Ясно.

– А с голосом что?

– А что?

– Простыла?

– Да, – ответила Женя, поморщившись. Но тренер уже отвернулась и не заметила этого.

– Ноги на уровне плеч, наклоните голову вправо, правую руку положите на голову...

Женя повторяла движения за тренером и думала, что скажет насчет голоса в следующий раз. Если она будет ходить сюда постоянно, то тренер решит, что у Жени какая-то редкая затянувшаяся болезнь.

«Подумаю об этом завтра», – процитировала Женя самой себе Скарлетт О’Хару, пока лежала в позе голубя на розовом коврике.

* * *

Женя брела по улице, еле переставляя ноги. Она думала о том, что больше не пойдет на стретчинг в пятницу. После тяжелой рабочей недели, знакомства с новым заказчиком и новым проектом. Ей нужны и моральные, и физические силы, чтобы справиться со всем этим. И давно забытое хобби – тянуть мышцы в надежде когда-нибудь сесть на шпагат – только усугубляло ситуацию.

Она зашла в небольшую аптеку на углу дома с вывеской под старину. У входа стоял охранник. Женя прошла мимо него, направляясь в сторону касс. Он пошел следом. Девуш-

ка хмыкнула.

Ее домашнее животное – кролик Эллиот – болела уже семь месяцев. Почти каждый день Женя появлялась в этой аптеке и покупала очередное лекарство, которое могло победить вирус. И за ней следили с такой тщательностью, будто она все эти дни вынашивала план грабежа.

– Здравствуйте! Таблетки левофлоксацин, пожалуйста.

Женщина-аптекарь кивнула и ушла в подсобку. Вернулась через минуту с белой коробочкой в руках.

– Еще что-нибудь?

– Нет, спасибо! Оплата картой.

– Может, для горла что-то возьмете?

– Нет.

– У нас есть леденцы с лимоном.

– Не надо.

– С вас шестьсот пятьдесят рублей.

Женя приложила карту к терминалу и забрала лекарство. Она подумала, что кролику лучше поскорей выздороветь, иначе она за себя не отвечает...

* * *

Больше всего на свете Женя любила утро субботы. Когда рабочая неделя оставалась уже позади, а выходные только-только начинались. И был шанс прожить их на максимум.

Она шла по Арбату, вглядываясь в названия кафе, искала

среди них место, где сможет взять кофе с собой. Ее привлекла черная вывеска, которая обещала фиксированную цену на все. Женя не задумываясь нырнула в кофейню.

Фиксированные цены были на обычный кофе, а на авторские напитки стоимость умножалась на два. Женя вздохнула и заказала капучино.

– А у нас мед есть! Давайте добавим в ваш кофе. Для горла, – участливо спросила бариста.

– Спасибо, не надо.

– Ладно, – грустно ответила бойкая девушка, – тогда я вам погорячей сделаю.

Женя открыла рот, чтобы сказать что-то гадкое, но внезапно закашляла и отошла от стойки, у которой толпились сонные любители дешевого кофе.

Через две минуты бариста поставила на стол стаканчик с горячим напитком, Женя сразу надела на него капхолдер и вышла на улицу.

Она подошла к бывшему ресторану «Прага» и стала оглядываться. Ее друг сидел на скамейке, подставив расслабленное лицо солнечным лучам. Рядом, на второй скамейке спал бомж.

– Тебя ничто не смущает? Точнее, никто.

Костя открыл глаза и лениво посмотрел туда, куда подбородком указывала Женя.

– Давай пройдемся по Новому Арбату, – энергично сказал

Костя, вскочив со скамейки.

– Там шумно.

– Здесь тоже, – заключил он и потянул Женю за собой.

Они шли по Новому Арбату, рассматривая дома-книжки и людей, идущих навстречу.

– Володя спрашивал про тебя, – внезапно сказал Костя.

– Ну и что. Мне он не понравился.

– Из-за вопроса про голос?

– Да. Хотелось бы больше тактичности от людей.

– Да забей ты. Ну спросили пару раз, что из этого трагедию делать?

– Ты просто не жил такой жизнью и не знаешь, каково это!

– А ты *ему* это скажи. – Костя махнул головой в сторону безногого попрошайки, который клянчил милостыню с картонкой в руках. Что на ней было написано, Женя разглядеть не могла.

Она вдруг остановилась.

– Знаешь, мне надоело, что ты обесцениваешь мою боль!

Меня!

Костя тоже остановился.

– Ты о чем?

– Люди постоянно лезут ко мне со своими советами. Я делюсь с тобой, потому что ты мой друг. Но что я слышу от тебя? Вечные унижения!

– А ты ничего не делаешь. Только ноешь, как тебе тяжело.

Костя засунул руки в карманы джинсов и понуро посмот-

рел в сторону. Женя открыла рот, но от шока не смогла издать ни звука.

Она молча отвернулась и ушла, стараясь незаметно стереть слезы с щек.

* * *

Через неделю Женя сидела в кабинете у лора, в клинике на Новом Арбате. Она записалась сюда в тот же день, когда поругалась с Костей.

Екатерина казалась опытным врачом, но выглядела молодо и постоянно улыбалась. А еще у нее был успокаивающий голос. Она смотрела смыкание связок на видеозаписи, которую они только что сделали с Женей.

– Никогда еще мне не засовывали лампочку в нос.

– Ну, это оказалось не страшно, да?

– Да.

Екатерина повернулась к Жене с озабоченным выражением лица.

– Давайте резюмируем: десять лет назад вы просто проснулись без голоса. Вы ничем не болели, в аварии не попадали. Голоса не было три дня, а потом он вернулся, но не до конца. И стал вот таким, как сейчас.

– Да, – сказала Женя с кислым выражением лица.

– А какой голос у вас был? Звонкий? Громкий?

Женя открыла рот, но осеклась. Она растерянно посмотрела

рела на Екатерину.

– Я не знаю. Сначала я часто слышала свой голос во сне. Он был такой, как раньше. Но года через два-три мне перестали сниться такие сны. Я не помню, какой мой настоящий голос.

Екатерина повернулась к компьютеру, полистала снимки горла, которые они только что сделали.

– Я думаю, что мы можем натренировать эту складку, которая стоит. И вернуть голос. Может быть, не на сто процентов, но все же.

– Правда?

– Да. А пока идите домой, я покажу ваши снимки главному специалисту. Он в таких делах лучший. Запишитесь через пару дней. К этому времени мы продумаем формат лечения.

Женя встала на ватных ногах и вышла из кабинета. Сердце учащенно билось. Дыхание усилилось.

«Как бы на радостях не словить паническую атаку», – подумала девушка и села на кожаный диван у ресепшена.

Скоро череда вопросов от незнакомых людей закончится, скоро Женя будет чувствовать себя собой, без трещин. Она будет такой же, как все.

Эта мысль встряхнула ее. Женя почесала подбородок, вспоминая, как часто ей говорили комплименты насчет голоса. Да, расспросами мучили чаще, но и комплименты бывали.

Мужчинам нравился томный тембр, им нравилось с ней разговаривать. Девушки говорили, что это необычно.

«Кем же я буду, когда снова заговорю звонким голосом?»

«Как он, мой тот голос?»

«Будет ли он запоминающимся?»

Мысли пролетали в голове у Жени, цепляясь одна за другую.

– Девушка, вы записываться будете?

Женя вздрогнула. Она посмотрела на уставшую женщину с пучком на голове за стойкой ресепшена и прошептала:

– Нет, спасибо!

– Тогда запишитесь по телефону потом сами.

Женя обернулась. Она стояла у дверей и держалась за ручку.

– А мне не надо. И потом не надо. Вообще не надо!

И счастливая выпорхнула из дверей в лето.

Ольга Мухина. Мои шрамы

– I don't get it. I don't get what I did wrong.

– Not everything's a lesson, Ryan. Sometimes you just fail.

The Office

Я лишусь всякой власти над своим текстом, он будет выставлен на обозрение, как когда-то мое тело в Отель-Дье.

«Событие», Анни Эрно

1

лето 2019

Наверное, в июне девятнадцатого я родилась еще раз – как личность. Прошли годы, но о многом мне все еще страшно рассказать: зверь внутри знает, меня найдут; мышцы готовы парализовать тело. Единственное, что продолжает движение, – мое сердце. Стук в дверь, оклик по имени в толпе, знакомый облик в чужом лице. В такие моменты сердце слышно из космоса.

Рождаться заново больно, может, как и в первый раз. Мое умение замирать, когда мать возвращалась домой после работы, ожидание, что кто-то спасет меня, мои реакции не подходили для взрослой жизни. Я злилась, что у меня нет ни знаний, ни таланта, чтобы обеспечивать себя; ни понимания, что такое *быть самостоятельной*. Я не была подготовлена к жизни, которую пришлось начать, и узнала об этом, сидя в дешевой съемной квартире без стиральной машины, в полной изоляции и в финансовой зависимости в первый месяц. Я рушилась заживо. Вокруг не было ни одного чертова свидетеля.

Внутри я истошно кричала. Я злилась.

С первой съемной квартирой мне помог С. Наверное, он сделал много хорошего для меня, но я помню его лишь по трем фразам:

– Когда ты идешь, у тебя нога косит. Разворачивай ее.

– Это еще операция нужна. (Почему он вел себя так, будто это его забота?)

– Ты даже о себе позаботиться не можешь.

Дальше стараюсь не вспоминать.

В той квартире случилась одна из тяжелых ночей. Тело подавало сигнал тревоги. Зверь внутри учуял смерть, но не был к ней готов: я верила, что мир собирался раздавить меня.

Что делать? Скорая? Там засмеют или унизят.

Ужасно хотелось позвонить С. Мне нужен был рядом человек как подтверждение, что мои ощущения – ошибка. Я отправила несколько сообщений. Помню, что просила о помощи. Наверное, пыталась позвонить.

– Поздравляю, ты своего добилась. Что тебе нужно?

Как так получилось, что он – единственный, кого я могла попросить помочь?

Хорошо помню, как в горле застряла моя душа, как стыд облизывал тело. На что я рассчитывала? Как отмотать время? Вот бы этого звонка не было. Мое существование невыносимо.

Я положила трубку и закричала в подушку.

В те месяцы мое лицо часто было опухшим. Я стала регулярно произносить «сегодня была тяжелая ночь» – это значило, что перед сном я плакала, задыхалась, терпела боль в груди; я верила, что вот-вот умру и никто этого не заметит.

лето 2018

Я пришла в гости к Ф. Его родители *знают*, они уже нашли врача, записали меня к нему. Они все решили, я – нет.

Эта женщина больше не оперировала, но преподавала студентам медицинской академии. Когда мы пришли к ней в первый раз, Ф. назвал меня своей двоюродной сестрой (глупость). Женщина осмотрела ноги, таз, спину. Попросила наклониться, попросила лечь. Она долго объясняла, как положение стоп и таза влияет на тело. Я видела в ней преподавателя, хорошо знающего свое дело. Я должна была слушать, но в кабинете осталась только оболочка. Мне хотелось закончить эту инсценировку.

Позже меня познакомили с хирургом. Женщина в возрасте, такие держат всю больницу в кулаке. Я ложусь на кушетку и слышу, что мне нужны две операции вместо одной.

– <...> аппарат Илизарова.

Что?

– Ну это потом, когда сможешь полгода дома сидеть.

Нет, нет. Это просто невозможно. *Я не стану этого делать со своим телом.*

* * *

200X

Думаю о болях в животе (вдруг аппендицит?), провожу пальцем чуть ниже правого ребра, представляю шрам. Я сделаю все, чтобы не попасть на операционный стол.

* * *

2018–2020

Лучшее время для операции – весна или осень. Хирург разрезал кожу и мышцы на моей ноге через два года после того, как я увидела образование на рентгеновском снимке. Я решилась на это с четвертой попытки.

Я фантазировала о том, как после некачественной анестезии просыпаюсь на операционном столе, как из-за врачебной ошибки мне отрезают ногу или в лучшем случае калечат. Как на такое согласиться? Почему тело продолжает создавать проблемы? Пожалуйста, остановись.

Я искала причину, как если бы кто-то пытался наказать меня.

201X

Стоя в ванной, замечаю: паховые складки различаются. Медленно ставлю правую ногу на носок. Испуганное напряжение в теле сменилось тошнотой и мыслью: «Ну за что?» Стараюсь всхлипывать не громче, чем течет вода. Слезы кажутся горячими.

– Мам, у меня проблема с ногой.

– Что? Где?

– Вот... Видишь?

– Ну, хочешь, я к врачу тебя запишу?

Хирургу около тридцати, обаятельный. Смущаюсь, но рассказываю про операцию в детстве, про свое открытие в ванной.

– Ну-ка, встань прямо. Все хорошо, не вижу проблем.

– Нет же, смотрите, вот тут видно.

– Ровные и здоровые ноги. Все у тебя хорошо.

Чувствую, что потерпела поражение. Одеваюсь. Вижу, как мать просовывает ему в ладонь купюры:

– Спасибо, доктор!

– Нет, что вы! Ничего не надо.

– Возьмите!

Молча иду к машине. Казалось, это был единственный шанс на поддержку от матери, и я его упустила. Мы погово-

рили о деньгах (зря она заставила их взять, этот прием был бесполезен – врач просто отрицал очевидное). Ни мою *проблему*, ни план дальнейших действий мы больше не обсуждали.

* * *

лето 2018

Ну, если разрез еще можно сделать, то Илизарова точно нет. Полгода из моей ноги будут торчать железки – они в своем уме? Еще раз в месяц их будут раздвигать. Нет, это невозможно. Я не вынесу.

* * *

осень 2019

Почему она не проверила? Почему не следила, пока я была маленькая? Если бы я это проходила в десять лет, было бы легче. Она просто перестала думать об этом, как только меня выписали из больницы? Теперь мне придется осознать, проживать этот ужас. Я не хочу... не могу. Не надо, пожалуйста.

* * *

201X

Врач сказал, хорошо бы найти детские снимки после операции. Помню, они были дома, но не нашла. Спрашиваю у матери про госпитализацию.

– Сыщица, расследовала. Посмотрите на нее.

Ее интонация противна. Это была попытка пристыдить меня?

* * *

март 2020. День 1

Я рано встала, взяла пакет, костыли и вызвала такси.

Больница была на окраине города в сосновом лесу. Я блуждала между корпусами. С другой стороны к нужной двери шла девушка с пакетами. Ну нет, в очереди я буду первая.

Позже мы познакомились, вместе обошли все нужные кабинеты и лежали в одной палате. Она работала медсестрой в больнице, в которую меня направлял участковый хирург (я уговорила дать направление в областную).

– Почему ты не стала в своей больнице оперироваться? Ты же там работаешь.

– Ой, нет. Я хочу потом ходить нормально.

Что ж, если я и переживаю ужас, то хотя бы не в худшем месте.

Палата была рассчитана на шестерых, четверо уже лежали здесь – женщины в возрасте, эсэнгэшные бабки. Мне от таких не по себе.

– Такая молодая, а уже лежит. Ты-то здесь из-за чего?

– Я не хочу разговаривать сейчас.

Мне выдали постельное белье. Наверное, оно было сшито еще в Советском Союзе. Я отвернулась к стене. В горле давил ком, мешал дышать. Я тихо заплакала.

Мне ставили уколы успокоительного, брали кровь на анализы. Анестезиолог задавала дежурные вопросы, поправляя пальцем длинные мелированные пряди.

– А какая анестезия будет?

– Спинальная, но можем дать снотворное.

– Да, пожалуйста, вырубите меня в самом начале. Я не хочу ничего знать и видеть.

Она улыбнулась.

Вечером я сидела с новой подружкой в коридоре, мы смотрели на закат. Когда солнечный свет краснеет и тускнеет, я чувствую себя покинутой.

– Я так боюсь.

– Все будет хорошо.

март 2020. День 2

Операцию назначили на половину второго. Я села на кушетку напротив операционной, дверь была открыта: маленькая комната; стены, облицованные советским кафелем; большое кресло с коричневой обивкой, похожее на стоматологическое; у анестезиолога маска из марли.

– Проходи, садись на кресло спиной ко мне. Я сделаю тебе несколько уколов в спину.

– Мне очень страшно.

Волнение растеклось по всему телу, я старалась глубоко дышать – не помогало. Почувствовала иглу, левая нога дернулась. Я закричала.

– Не дергай ногу.

– Она сама, я ничего не делала.

Снова укол, нога, боль.

– Сказали же, не дергайся! Ты понимаешь, что сейчас спину повредишь?

– Это не специально! Сначала дергается нога, потом становится больно.

– Прекрати орать.

Третий укол. Нога снова дернулась, боль стала невыносимой.

– Все уже, хватит орать. Ложись на кресло.

Хирург поднимает мою ногу.

– Пожалуйста, не режьте, пока я не усну.

* * *

март 2020. День 6

Меня выписывают, хотя были слухи, что больницу закроют на карантин вместе с пациентами.

– А ты сколько дашь хирургу?

– Я не хочу отвечать на этот вопрос.

2

На полках стоят книги – их написали сильные женщины. В этих книгах можно прочитать, что ваше тело только ваше, что только вы имеете право решать, как с ним взаимодействовать.

Тогда почему так легко это право нарушить?

* * *

Он скажет, что тебе понравилось. Он скажет, что ты сама набросилась. Он скажет, что ты ревешь как девчонка, будь взрослой. Когда на карте прорисовется маршрут, он коснется твоей спины и скажет: «У тебя такая нежная кожа».

Следующие два дня тебе будет плохо так, как не было ни до, ни после. «Мне что-то подмешали? Я перебрала? Пройти медицинское освидетельствование? Тогда все точно всплывет наружу, мать обвинит меня – я не переживу этого». Слишком хрупкая сейчас твоя броня. Слишком сильно позор тянет к земле, натягивает маску будничной безразличности. В полиции высмеют. В голове поставили на повтор:

Ты. Виновата. Сама.

Об этом не знал Ф., не знал никто. И. вряд ли что-то понял, но был озадачен. Вы прожили с ним вместе год.

Ты ненавидишь мужчин и никому об этом не говоришь.

Но если понаблюдать, то это заметно.

Позже одноклассница узнает об этом. Ты вывалишь на нее эту новость, но легче не станет. Ей легко не будет тоже. После сядешь в такси и больше ее не увидишь.

Стыд обвивает кольцами твои внутренности. Ты закапываешь боль до лучших времен, с ней в бездну отправляется часть тебя.

Ты ненавидишь мужчин все больше. Каждый видится тебе угрозой.

На улице, на работе, в транспорте – везде настороже. В ушах завывает мертвец, которого ты похоронила. Он раздражается и заражает сердце, душу.

Твое тело не принадлежит тебе. Оно всегда под угрозой, а ты не страж, но наблюдатель. На груди, на горле, на промежностях отпечатки мертвеца. Они холодеют, давят, когда мужчина проходит рядом. Даже если занят другим, даже если не видит тебя. Ему ничего не стоит протянуть руку и заставить тебя захотеть умереть.

Мне жаль.

3

Когда я не справляюсь с реальностью, смерть кажется выходом. Тело взывает к ней, просит о мягкой встрече без боли.

По утрам парализует мысль: каждая моя клетка *знает, что обязана умереть*. Если в агонии я призываю смерть, то таким пробуждением она как будто говорит, что рядом.

* * *

Привет, Смерть.

Каково это – умереть? Некоторые религии говорят о покое души после смерти, но, как по мне, мозг просто перестает функционировать. Никак не могу представить, на что это похоже.

Разум угасает.

Это как свет выключить? Или как провалиться в бессознание под действием анестезии? Может, это уникальный опыт и ничего похожего в жизни нет? Это было бы логично, смерть – антипод жизни. Расспросить бы тех, кто уже умирал.

* * *

Привет, Смерть.

Знаешь, это нечестно.

Но что несправедливей: все-таки родиться, обрести самосознание и *понимать*, что ты придешь за мной, или *гарантированно* это все потерять?

Я будто падающая звезда: вспыхиваю и за мгновения прогораю. Тот, кто смотрит на это, – Вечность. Может, ты и есть Вечность?

* * *

Привет, Смерть.

Мои письма могут сойти за одержимость тобой, но на деле это попытка понять то, о чем говорить – под этическим запретом, что касается лично меня.

Я слишком долго берегла чужие чувства.

* * *

Привет, Смерть.

Я часто думаю о тебе.

Кажется, мы виделись, когда меня бросали в одиноких,

глухих квартирах, но нет – тогда я жила как никогда. Каждый нерв пульсировал такой болью, что не было сомнений: я существую. Ты всегда приходила после, навещала, когда первичная боль отпускала или, наоборот, становилась невыносимой, само мое существование становилось невыносимым. Я слышала твои шаги, когда всем телом ощущала, будто лечу вниз с двенадцатого этажа, разглядывала воду с моста, невидяще смотрела сквозь газовые конфорки, когда мимо пронесся автобус или поезд, когда взлетал самолет. И каждый раз я оценивала, как долго будет дышать мое тело, если протянуть тебе руку.

Ты снишься мне. Наблюдаешь, как мать накинывается с большим ножом, предназначенным для резки всего подряд, в том числе и меня. Строишь, как незнакомые парни на кухне пытаются вскрыть мой живот. Еще в детстве ты всегда передавала привет намеками: тот первый быстрый сон за ночь, где я открываю окно и вышагиваю в воздух. Адреналиновый импульс поступал в ноги, и я резко просыпалась.

Ты держишь меня за руку во время каждого приступа ненависти к моему телу. Когда хочется развалиться на атомы по щелчку. Какая-то часть меня верит, что это возможно, представляешь?

Ты единственная никогда не оставляла меня. Я знаю: что бы ни произошло, мы обязательно встретимся.

Алена Веснина. Отвергнутый

1985 год, лето, РСФСР, город Копейск, Челябинская область.

Семилетняя Ирочка стояла на табуретке у кухонного окна, смешно прижав нос к оконному стеклу. Внизу щупленький мальчуган важно шел по тротуару, едва удерживая в обеих руках сетчатые авоськи со стеклотарой. Еле слышно доносился звук пустых бутылок, мерно постукивающих одна о другую.

– Мам, а Женя с бабушкой живет, потому что он маме не нужен и она его бросила?

– Тетя Галя работает много и далеко, а Анна Ивановна на пенсии уже. И где только ты взяла эту чушь? – раздраженно ответила мать, насухо вытирая вымытые тарелки.

– Старая баба Вера на скамеечке во дворе сидела и всем рассказывала, – бесхитростно поведала девочка, и спрыгнула с табуретки.

Рыжие косички подскочили вместе с Ирочкой: «Ладно, я гулять, за мной Маша пришла, пока!»

* * *

1995 год, лето, Россия, город Копейск, Челябинская об-

ласть.

Ирочка в растерянности металась между открытыми зеркальными дверцами огромного полированного шифоньера.

– Маш, а может, белый сарафан надеть, в цветочек? Или красное платье, которое я для выпускного бала шила? А волосы лучше собрать? Или распустить? – волновалась Ирочка.

– Ты, главное, лифчик новый надень, который мать тебе из Москвы привезла, а платье твое он и не заметит, зуб даю, – усмехнулась Маша.

– Ничего ты не понимаешь, Женя не такой! Мы с ним разговариваем, а не то, что ты подумала, – с укоризной покачала головой Ирочка.

– Я-то знаю. Я с ним уже «поговорила», кажется, твоя очередь, – многозначительно подмигнула подруге Маша.

Ирочка даже расстроилась. Она, конечно, знала, что сосед Женька не пропускал ни одной юбки, ни одного платья, и даже брюк, но женских. Всегда комплиментик отпустит, да такой, что краснеешь. А потом вспоминаешь и мучительно хочешь еще обратить на себя, и только на себя, Женькино внимание.

Настоящий король двора, не расстающийся с гитарой. «Ковыляй потихонечку, про меня ты забудь», – аж слезы наворачивались, так душещипательно пел Женька на бис, сопровождая себя на разбитой шестиструнке. Красивый, сильный, благородный. Ире не очень нравилось, что Женька

достался ей, по сути, после Маши, но что ж теперь.

Зато можно спросить что-нибудь про взрослые отношения.

Женька и Маша отпраздновали совершеннолетие еще в прошлом году, а Ирочке в январе только исполнилось семнадцать.

* * *

Поглазеть в окно Ирочка любила, как и в детстве, хоть и не вставала уже давно на табуретку. Тем более, что с ее третьего этажа прекрасно был виден тротуар, по которому ходил Женька. Ее Женька. Ира улыбнулась.

Каждое утро, в семь десять, она сверху смотрела на его коротко подстриженную русую голову – Женька в фирменном новеньком костюме «Адидас», который он купил на собственные деньги, шел на работу.

В универ король двора поступать не стал (и кому нужна эта бумажка?), а отправился прямиком в ближайшую автомастерскую – «бабки заколачивать».

Благо свой старенький «восход» мог разобрать и собрать с закрытыми глазами, да что уж там, даже пьяный с закрытыми глазами.

На свои кровные Женька обычно покупал шоколадки девушкам; себе, как всегда, пиво и сигареты, а остальное отдавал бабке. Она, насколько Ирочка понимала, вовсе не огра-

ничивала его бурную личную жизнь, не контролировала, где и с кем он ночует. Но, чтоб Женька не проспал на смену, исправно заводила ему огромный железный будильник и ставила его в эмалированную кастрюлю – чтоб уж наверняка.

Ирочка не могла определить для себя, хорошо это или плохо, что у него нет ни отца, ни матери.

С одной стороны, никто не читает многочасовые нудные нотации, а с другой стороны, Ирочке было его жалко. Как так – в первый класс тебя ведет не мама, а на выпускном вечере папа не смотрит восхищенными глазами, как три недели назад на нее?

Соседи болтали, что Женькина мать, бабкина дочка, умерла третьими родами, непонятно в каком по счету браке, а отцу сын и с рождения не был нужен. Да и неважно, главное, что бабке Ирочка нравилась. Она «такая высокая, изящная, с длинными золотыми волосами», и «вежливая», как баб-Аня заметила. Не то, что «прошмы его, с пакетами все ходют-ходют, а в них бутылки звяк-звяк».

Ирочка мечтательно зажмурилась. А вдруг ей даже повезет? Так повезет, что Женька на ней женится. Хотя... Через три-четыре месяца Женьку должны были забрать служить в армию.

Бабка каким-то образом смогла на год устроить ему отсрочку – видимо, сунула бывшему военкому сверточек, а новый начальник сверточек-то не принял, и носить теперь Женьке два года кирзовые сапоги и суконную шинель.

Но ничего, Ирочка решила, она подождет, письма будет писать, на присягу съездит даже. Пусть все видят – невеста у Женьки есть!

* * *

Мечту от цели отделяли несколько шагов, по крайней мере, Ирочка свято в это верила. Остаток лета незаметно исчез. Ирочка тем временем поступила в Челябинский государственный технический университет.

«В нашей семье все девушки с высшим образованием», – поставила точку в споре мать Ирочки, Лидия Викторовна. Вместо гранита науки на парах Ирочка, скучая, грызла ручку – встречи с Женькой проходили куда интереснее лекций по начертательной геометрии.

Военкомовские «письма счастья», то бишь повестки, уже получил весь двор, и красавчик Женька не стал исключением.

Проводы назначили на пятнадцатое октября, народ созвали. В автомастерской призывника ценили и ждали обратно, как только он дембельнется.

Бабка бесконечно плакала и жалела «свою сиротинушку», бесконечно перекрещивала его щепотью сухих пальцев «хоть бы не в Чечню».

– Мама, не занимай телефон, пожалуйста, – умоляюще кинулась Ирочка наперерез матери, держащей в руках теле-

фонную книжку.

– Я уже час не могу позвонить мастеру, наша «Сибирь» белье выжимать перестала, центрифуга, что ли, полетела, – озабоченно произнесла мать.

– Как ты можешь в такой день думать о какой-то стиральной машинке! – негодуя крикнула Ирочка. – У меня жизнь рушится, а ты!

– Ирина, вернется твой Женька, даже и не заметишь, – успокаивающе произнесла мать.

Но Ирочка рыдала. Часы показывали восемь вечера, а проводы начинались в шесть. Ирочка договорилась с Женькой, что он придет за ней и они вместе начнут встречать приглашенных друзей. Телефон, стоящий в прихожей Ирочки, не звонил.

А бабка Женьки не захотела платить «чертовы тысячи рублей» каждый месяц за домашний телефон – «роскошь, не нужен он нам».

Как хорошая и воспитанная девочка, Ира ждала, вслушиваясь в каждый шорох. Пришел с работы отец. На кухне звенели тарелки и вилки, мать с отцом о чем-то весело переговаривались.

Женя не пришел ни в девять, ни в одиннадцать вечера, ни в час ночи. Уставшая от слез Ирочка уснула.

Разбудил ее строгий голос матери.

– Ирина, а что, сегодня в институте нет пар? – вопросительно вскинула брови родительница. – Десятый час утра,

между прочим.

– Как десятый? Женька! – вспомнила Ирина. Сорвав с вешалки пуховик и забыв про гордость, ринулась прочь из квартиры.

– Баб-Ань, это я, Ира, – барабанила в дверь, обитую черным кожзамом девушка, – баб-Ань, откройте!

Наконец зазвенела дверная цепочка, по очереди открылись изнутри два замка.

– Так ты выздоровела уже, Ирочка? Температура спала-то? – подслеповато вглядывалась в лицо девушки бабка. – На поезд посадили мы его в шесть утра, и усе, поехал мой внучек, чеченцев бить, точно я тебе говорю, сердце чует мое, а оно всегда все чует-то. Хоть и пообещал Иван Петрович мне, что не к чеченцам, но я-то знаю, Баб-Аня все знает...

Ира не смогла дослушать жалобные всхлипывания бабки до конца и опять убежала из ставшего за пять месяцев родным Женькиного подъезда. Сколько вечеров провели они здесь, на последнем этаже. Даже надпись осталась: «Ира, я тебя люблю», размашисто выведенная ржавым гвоздем на стене.

* * *

– Ирка, третий день ревешь, так и ослепнуть можно, глаза вытекут, хватит уже, а. – Маша не успевала подавать наглаженные Лидией Викторовной носовые платки безутешной

подруге. – Вот видишь, поматросил и бросил, – почти торжествующе утвердила экс-возлюбленная Женьки.

– И ни-че-го не бро-сил, он не та-кой, прос-то слу-жить ушел, – всхлипывала слогами Ирочка. – Он вер-нет-ся, я знаю, че-рез два го-да.

Маша только вздохнула.

– А может, и раньше! Жениться приедет, да! А вдруг я беременная? Мы не всегда успевали, это самое, предохраниться, – смущенно хихикнула Ирочка. – Ирина Орлова. Красиво же звучит?

Маша задумалась.

– Знаешь, я бы особо не рассчитывала. Помнишь Ольку Золотухину из «Б» класса? Ходили слухи, что этой зимой она залетела от него и он ей деньги на аборт дал. Баб-Аня жаловалась тогда, что внук в день получки всю зарплату потерял, но бабка решила, что украли, и сокрушалась, что Женька заявление в милицию писать не хочет.

– Врешь ты все, не мог он так с Олькой поступить! Не такой он! Как-то раз он котенка с высоченного дерева снял, помнишь? Все только стояли и смотрели, а он спас Танькиного Пушка! А дворовую собаку Гришка запинал до смерти, так самого Гришку за гаражами Юрка блаженный нашел, всего в крови. Все знают: Женька за собаку ему отомстил. И за жену дядь-Васину он вступился, когда тот с ножом на нее прыгал. А бабка Женькина, как внук подрос, тяжелее булки хлеба в руки ничего не брала – все Женька. И в магазин мо-

тался, и с огорода огурцы таскал, и бутылки сам сдавал, с семи лет!

– В общем, Ира, – подытожила Маша, вставая с продавленного кресла. – Кошки и собаки – это прекрасно, но с девушками он никогда не церемонился. В передаче, которую я на ОРТ недавно видела, психолог говорил, что мужчина, воспитанный в неполной семье, без отца, никогда не сможет свою семью создать – нет примера, как отношения надо выстраивать. А Женька и без отца, и без матери рос, сама делай выводы. Советую тебе вытереть сопли и оглядеться по сторонам. В универе много достойных парней и умных, не то, что этот автослесарь без образования.

– Ирочка, может, Маша права, – умоляюще вставила Лидия Викторовна, стоявшая под дверьми комнат. – Я вот тоже считаю, что не пара он тебе. Любовь любовью, я все понимаю, особенно первая, но жизнь продолжается.

Ира молча сверкала глазами.

– Это пройдет, Лидия Викторовна, не переживайте, еще месяца три – и точно пройдет, – ободрила Маша подружку маму, обувая сапоги.

* * *

Ирочка старалась каждый день сама лично встретить почтальона, аккуратно раскладывающего почту по ящикам. Ей казалось, что письмо от Женьки завалялось на дне холщовой

почтовой сумки. Лежит там помятое и забытое, а она, Ирочка, так ждет армейский приветик.

Письма из Моздока, и в самом деле, приходили, только не Ирочке, а бабке. Девушке же заветного конвертика никогда не доставалось. Ирочка утешала себя, что наверняка Женьке некогда писать ей лично, он ведь на войне, на самой настоящей войне. Но он обязательно передаст привет в письме для бабушки. Но нет. Женька рапортовал, что у него все хорошо, сухпак вкусный, форма теплая, друзья надежные и скоро все уже закончится, и он вернется, крепко обнять Баб-Аню.

Про Ирочку в письмах с фронта не было ни словечка.

* * *

Наступающий 1996 год Ирочку позвали встречать в студенческой компании.

– И чего ты ломаешься? – допытывалась Маша. – Поедем платье в «Молодежной моде» выберем, туфли в «Торговом Центре» на Каслинке. Самая красивая будешь.

– А Женька, как же Женька? Он там воюет, а я по вечеринкам хожу? – упавшим голосом произнесла Ирочка.

– Да ты ему кто? – зло прищурилась Маша. – Брошенная невеста? Да не невеста даже, а так, соседская девчонка. И думать про тебя он там забыл, уже всех медсестер и поварих обаял, зуб даю.

– Может, ты и права, – уныло согласилась Ирочка. – Но-

вый год на то и новый, чтобы начать новую жизнь.

* * *

1996 год, зима, Россия, город Копейск, Челябинская область.

Утро первого января Ирочка возненавидела с момента пробуждения. Нестерпимо болела голова, ресницы, казалось, намертво склеила несмытая «Ленинградская» тушь. Во рту ощущался вкус помоев. При попытке встать пол под ногами закачался, как железнодорожный перрон после долгого путешествия. «Больше никогда», – мысленно простонала Ирочка.

Зато мутное зеркало в ванной приятно удивило. Начесанные и щедро политые «Прелестью» волосы, уложенные в замысловатую прическу в «Чародейке», остались в том же состоянии.

«Не зря тридцать тысяч рублей отдала, – с облегчением подумала Ирочка и тут же спохватилась. – Надо маме позвонить, наверное, меня потеряли».

Привычные мысли «как там Женька без меня» впервые за пять месяцев не посетили Ирочку с утра.

Остальные участники вечеринки еще спали.

Разыскивая сумку и шапку в ворохе беспорядочно сваленных в кучу вещей, Ира размышляла, что можно рассказать маме, когда та будет спрашивать про первую новогоднюю

ночь, проведенную не за домашним столом.

На скромной студенческой вечеринке, где самым большим деликатесом выступила сырокопченая колбаса, алкоголь тем не менее лился полноводной рекой. Дешевое шампанское сменил разбавленный водой из-под крана спирт «Ройял». Запивать мерзкий вкус пришлось «Инвайтом» с не менее противным апельсиновым вкусом. Ира быстро захмелела, пляски, конкурсы, тосты слились в памяти воедино. Отчетливее всего запомнился медленный танец со старостой группы Мишей. Кажется, он отпускал комплименты – ее затейливой прическе и длинным романтичным ресницам.

Ирочка почувствовала, как кровь прилила к щекам, кажется, Миша лез с поцелуями, и, о боги, Ирочка позволила ему их. «Женька...» Ирочке стало вдруг стыдно.

Засунув шапку в сумку, нараспашку Ирочка вышла из квартиры и тихонечко притворила за собой дверь.

На автобусной остановке «Чебуречная» не было ни души. Оно-то и понятно, в девять утра, в первый день нового года еще все спят. Даже павильон, в котором обычно с рассвета продавались горячие чебуреки, был закрыт.

Привычная 123-я маршрутка тоже оказалась пуста. Ирочка чуть не бросилась под колеса «газели» – чтоб мимо не проехала.

1996 год, март, Россия, город Копейск, Челябинская область.

– Какой шикарный букет, Иришка! – воскликнула Маша, войдя в комнату подружки. – Кое-кто не жалеет денег, чтобы только порадовать Снежную королеву?

– Не жалеет, – подтвердила Ирочка. – Снежная королева почти растаяла, если тебе интересно. И к розам прилагалось дополнение, вот.

Ирочка достала из ящика стола бархатную красную коробочку и подала ее Маше.

– Обручальное кольцо! Так ты согласна или как? – поинтересовалась Маша.

– Скорее, да, чем нет, – уклонилась от ответа Ирочка. – Мама моя согласна, а я... я не знаю.

– Мишка отличный парень, который очень тебя любит. Довыбираешься – останутся одни алкаши, – угрожающе предсказала Маша.

– Да, наверное, ты права, и мама права тоже. Он ведь даже на заочку перевелся, работает, на свадьбу деньги копит, хотя у него и так родители не бедные.

* * *

1996 год, сентябрь, Россия, город Челябинск, ресторан «Уральские пельмени».

– Горько! Горько! Горько! – хором скандировали подвыпившие друзья и родственники.

Молодые – Ирина и Миша – вдвоем взялись за нож и разрезали свадебный торт. Праздничный вечер подходил к концу. Жених не отрывал восхищенного взгляда от невесты и чуть не порезался, но Ирочка, кажется, и не заметила.

Ирина не сводила глаз со своей правой руки, там ярко блестело золотое колечко – символ взрослой жизни.

– Раз! Два! Три! Сколько поцелуев, столько деток у вас родится! – не успокаивались веселые гости. – Миша старается, молодец!

«Женька, – отстраненно подумала Ирина. – Вернется через год, а я уже Лукьянова, Ирки Волковой больше нет».

* * *

2020 год, сентябрь, Россия, город Копейск, Челябинская область.

Ирина настежь распахнула окна во всей квартире – пока дети на учебе, надо проветрить. Заодно прогенералить квар-

тиру, но сначала... сначала кофе, ароматный кофе, сваренный в чугунной турке, вприкуску с бананом. И вкусно, и полезно. Она и Мишу научила так кофе пить.

Поставив чашечку возле компьютера, Ирина зашла на «Одноклассники».

Как всегда, куча сообщений от Маши: «Привет», «Перейди по ссылкам», «Обалдеешь, гарантирую».

Ирина улыбнулась и нажала на подсвеченные строчки. Первая ссылка вела на сайт местной приморской газеты «Трудовое слово», на июньский номер 2016 года. Пробежав глазами несколько раз по содержанию статьи, не дыша, Ира на мгновение замерла в кресле и начала читать снова, но уже чеканя про себя каждое слово.

«ГЕРОИ СРЕДИ НАС» – гласили большие красные буквы.

Не иначе как под счастливой звездой родилась Марина Воронова, продавец маленького винно-водочного магазинчика в поселке Каменка. Перед закрытием, когда Марина пересчитывала выручку за день, в торговый зал ворвались два грабителя в масках. Угрожая холодным оружием, они вынуждали продавца отдать деньги.

В это же время Евгений Орлов решил наведаться в называемую местными жителями «алкашную» за сигаретами и застал сцену из боевика.

Будучи не робкого десятка, имея опыт боевых действий в первой чеченской кампании, не медля ни секунды, он бросил-

ся на помощь Марине.

Ранее судимые Л. и Н. в ходе схватки успели нанести Евгению восемь ножевых ранений разной степени тяжести. Но тем не менее герою удалось обезвредить преступников и закрыть их в подсобном помещении, прежде чем он потерял сознание. Тем временем Марина вызвала скорую помощь и полицию.

К сожалению, амбулатория Каменки не оснащена необходимым оборудованием для оказания медицинской помощи в тяжелых случаях.

Отважный мужчина был срочно транспортирован в Центральную городскую больницу города Дальнегорска, где ему перелили потерянную кровь, и через двое суток вертолетом санавиации перевезен во Владивосток, в Дальневосточный окружной медицинский центр ФМБА России. Лечение Евгения будет полностью оплачено из бюджета Владивостокского городского округа.

Во второй ссылке открылся выпуск того же местного СМИ, но датированный позже:

Год назад мы уже писали о подвиге нашего земляка Евгения Орлова, спасшего от грабителей продавца магазина в Каменке. За жизнь героя боролись лучшие врачи Владивостока. Весь год Евгений восстанавливал утраченное здоровье, но реабилитационный период еще не закончен. На данный момент мужчина получил свидетельство инвалида 2-й группы. Евгению предстоит несколько операций на опор-

но-двигательном аппарате, которые планируется сделать в ЦНМТ Москвы, но мужчина не отчаивается. «По характеру он настоящий боец, – говорит его супруга Ольга, – и мы обязательно победим».

Начальник Управления МВД России по Приморскому краю Л.И. Фокин вручил Евгению Орлову медаль МВД России «За вклад в укрепление правопорядка». Награждение состоялось на центральной площади Владивостока 12 июня 2017 года в рамках празднования Дня России.

«Обалдела так обалдела. Это точно. Приходи кофе пить, я одна», – написала Ирина и насыпала в чугунную турку двойную порцию «Лавашцо».

– Как тебе новости? А мы ведь только недавно с тобой вспоминали, кто и куда уехал с нашего двора, и вот тебе, пожалуйста. – Маша звонко шлепнула себя по коленке в знак утверждения. – Ссылку мне Ольга Золотухина прислала.

– Ольга нашла Женю в сети? Или как она обо всем узнала? – поинтересовалась Ира. – Он же так и не вернулся в Копейск после Чечни, поехал с сослуживцем в Барнаул. Но это все, что я знаю, и то, с баб-Аниных слов, пока та жива была. А я ведь всегда говорила тебе, что Женька честный и благородный, только ты не верила.

– Аки лев, только без прайда, – усмехнулась Маша.

– Почему? – озадачилась Ирина.

– Потому! Он так и не женился официально ни разу, своих детей у него нет. Ольга Золотухина за ним лет десять из

города в город моталась. Потом вымоталась и сама дважды замуж сбегала и развелась. А наш альфа-самец в одном месте три года поживет – переезжает и там начинает все сначала. В этом рыбацком поселке он тоже всего полгода прожил, до случая в магазине. Но уже успел обзавестись разведенкой с двумя прицепами. Так она ж его бросила! Первый раз в жизни кто-то бросил его самого, представляешь! Любовь куда-то делась, зачем ей обуза? – Маша замолчала, переводя дух.

– А Олька? Олька же в Москве? Получается, с ним? – подняла брови Ирина.

– Да, год уже. Теперь он полностью и целиком ее. Хоть и в инвалидной коляске. Как Олька тебя ненавидела, когда он с тобой амуры крутил, она-то, конечно, понимала, что и ты не навсегда, не ты, так другая. Больше всех радовалась, когда ты замуж вышла, даже написала ему про тебя, «предательницу».

Ирочка ахнула и захотела возразить. Но Маша продолжила тараторить.

– Поэтому он и не вернулся в Копейск, из-за тебя и из-за Олькиных преследований. Впрочем, Олька не растерялась, вещи в сумку – и за ним, но толку тогда не было. А теперь он устал. Устал быть один, устал мотаться по больницам, устал быть неполноценным, для него, покорителя женских сердец, это драма. Ведь он воевал, демобилизовался сержантом, еще и медаль получил «За мужество». Дошло, однако, что человеку нужен человек. Я же тебе говорила давно, что передачу

с психологом видела, где про таких, как он, рассказывали, одиночек. Я еще и книжку читала «Пять травм, которые мешают быть собой», американскую, там про Женьку хорошо написано. Травма отвергнутого у него, – поставила диагноз Маша. – И «отвергнутые» рано или поздно притянут ситуацию, где отвергнут их самих. Все у него по классике, как видишь.

Олька сказала, что Женька как поправится окончательно, а в Москве обещали поднять его, так приедет сюда сам, на своих ногах, бабке на могилку, поклониться и прощения попросить. Нехорошо это, что она чужими людьми, а не им похоронена.

* * *

2022 год, май, Россия, город Копейск, Челябинская область.

Миша сегодня дежурил в ночь, Ирина одна уложила спать девочек-двойняшек, осталось дожидаться с прогулки старшую дочь, и можно тоже отдыхать.

В полночь из открытого окна слышался шум мотора, визг тормозов, хлопок закрывающейся дверцы автомобиля и звуки ссоры.

Ирина насторожилась – по этой улице всегда возвращалась дочь после встреч с подружками.

Истеричный женский голос срывался в крике. Впрочем,

мужской голос не оставался в долгу и выдавал отборные порции мата.

«Даша? – мучилась в сомнениях Ирина. – Но она с подругами гуляла...»

Ирина сняла с крючка ключи, тихонько притворила дверь и вышла во двор. Тем временем ссора переросла в драку с участием еще одного мужчины. Глухие звуки ударов перемежались женскими подвываниями.

«Не Даша», – облегченно выдохнула Ирочка, решив дождаться дочь на скамейке возле дома.

Неожиданно наступила тишина, разорванная ревом мотора легковушки, очевидно, участники ночной потасовки решили продолжить в другом месте. А в лунном свете по тропинке, напрямик к дому Ирины медленно приближался черный высокий силуэт.

Пружинистый шаг – шаркающий шажок – удар палки о землю – ритмичная походка прохожего завораживала слух.

Человек поравнялся со скамейкой и остановился. Что-то смутно знакомое почудилось Ирине в худощавой фигуре.

– Ира? – мужчина пытливо всматривался в ее лицо. – А ты ничуть не изменилась!

– Женька? – не поверила глазам Ирина. – Женька! Это ты был там, за гаражами?

– Мимо шел. Увидел, что таксист пассажирку обижает, пришлось его уму-разуму учить, – улыбаясь, развел руками мужчина. – Как ты? Почему одна на улице ночью сидишь?

Огорчил кто?

– Дочку жду, старшую с прогулки. Младшие спят, муж в ночь. Ну вот, теперь ты про меня все знаешь, – смущенно сказала Ирина.

– А я и так знаю, – подмигнул Женька. – Наводил справки о тебе у общих знакомых все эти годы.

Ирина опешила.

– Для чего? – спросила она. – Мне казалось, у тебя своя жизнь, а у меня своя. Я обиделась в тот вечер, когда ты не пришел за мной, но быстро простила, и... Отпустила тебя. Лишь пять лет назад я узнала, что с тобой произошло, и совсем не удивилась. В твоём геройском поступке весь ты и есть. А Маша, помнишь её? Назвала тебя львом без прайда, мол, гордый и благородный, но сам по себе.

– Машку? Конечно, – хохотнул Женька. – Я всех бывших помню. Кстати, она мне и сказала, что ты в день проводов заболела, температура высокая поднялась, и запретила за тобой идти. А я решил, что так и лучше: долгие провода – лишние слезы. Все равно бы у нас ничего не вышло.

– Неожиданно, – потрясенно пробормотала Ирина. – И ты, Брут...

– Да ладно, двадцать семь лет почти прошло, что уж вспоминать, – ободряюще хлопнул Иру по плечу Женька.

– И действительно. Лучше расскажи, как ты на ноги встал? Как Олька? Какая же она самоотверженная! – восхищенно воскликнула Ирина.

– Олька хорошо, наверное, – Женька помрачнел. – А я – как всегда. Мы разошлись. По моей инициативе, конечно. Но остались друзьями. Кажется.

Ирина не поверила своим ушам:

– Как ты мог! Она столько сделала для тебя!

Женька закурил.

– Я ведь ни с кем долго быть не способен. Душит меня ваша бабья забота, не привык я к ней. Чувствую себя манекеном, которым вы играете в ваши девчачьи куклы. И очень обижаетесь, когда не хочу играть вами. Может, я урод какой, из Красной книги? Но за тобой следил, надеялся увидеть. Правда, не ожидал, что в таких декорациях, но поистине неисповедимы пути господни – сегодня у нас вечер цитат, что ли? – пожал плечами Женька.

– Ты давно здесь? У кого остановился? – после небольшой паузы спросила Ира.

– Вчера приехал, бродил тут с сумкой под окнами, дядь Вася признал меня и позвал к себе, встречу обмывать. Завтра на кладбище поедем, могилку баб-Анину навестить. А потом не знаю. Поеду куда глаза глядят, я ж рукастый, меня везде работа ждет, да и пенсию получаю по инвалидности, – криво усмехнулся Женька. – Может, и прайд свой найду, наконец. *Зажили мои ноженьки, проживу как-нибудь*, – хрипло пропел он. – Эх, гитары не хватает, сейчас бы в те девчачьи.

– Ты что-то хотел бы изменить? – с надеждой спросила

Ира.

– Я – нет. Ни за что! – отчаянно мотнул головой Женька. – А ты?

– И я тоже... нет, – печально, но твердо повторила Ирина. – А вот и Даша. Пока, Жень, удачи тебе.

– Мама! Что-то случилось? Зачем ты тут стоишь? – подбежав к Ирине, взволнованно воскликнула девушка.

– Все в порядке, просто дышу свежим воздухом, – Ира взяла дочь за руку и повела за собой.

– А это кто, мам? – удивленно оглядывалась Даша.

– Сосед. Бывший, – уверенно поставила точку Ирина, открывая дверь в прохладный подъезд.

Женька стоял как вкопанный. Но Ира спиной чувствовала его сверлящий взгляд. «Не оборачивайся, Ира, только не оборачивайся», – умоляла она себя.

Ощущение, что старая, давно не крашенная входная дверь пятиэтажки ведет в новую жизнь, неожиданно понравилось ей.

«Вот и все... Наша тайна с тобой оказалась напрасной», – пела тихонько Ирина, вальсируя с туфлями в руках по прихожей.

Чувство внезапной свободы переполняло. «Я навсегда запомню этот день, – подумала Ирина. – Еще один мой день рождения».